№ 281 Среда, 25-го декабря 1902 года. № 281.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ доставкой и пересылкой

	Томскъ.	Въ др. городахъ.	Заграницу.
На 12 мѣсяцевъ	4 —	5 —	9 —
„ 9 „	3 30	4 —	7 —
„ 6 „	2 30	3 —	5 —
„ 1 „	40 —	50 —	— —

Подписка и объявленія (по таксѣ) принимаются въ книжныхъ магазинахъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ. Иногородніе требованія адресуются въ редакцію.
За пересылку адреса иногородняго на иногородній взимается 35 коп. При переходѣ городскихъ и подписчиковъ въ иногородніе доплачивается разница подписной цѣны по сроку подписки.

Отдѣльный № 3 к.

Сибирская Жизнь

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

Контора редакціи „Сибирской Жизни" при магазинѣ П. И. Макушина открыта для справокъ и объявленій по дѣламъ газеты ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) съ 9 до 11 часовъ утра и 6 до 8 час. веч.—Телефонъ № [illegible]

Присылаемыя въ редакцію статьи и объявленія должны быть подписаны фамиліею автора съ обозначеніемъ его адреса. Рукописи въ случаѣ надобности, подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Размѣръ гонорара опредѣляется по взаимному соглашенію редакціи съ авторомъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условія вознагражденія, считаются безплатными.
Статьи, признанныя неудобными хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, малыя изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Отдѣльный № 3 к.

Отдѣленіе конторы редакціи „Сибирской Жизни" для пріема подписки и объявленій: Въ *Москвѣ*—И. К. Голубевъ, книжный магазинъ „Правовѣдѣніе", Никольская улица, домъ Славянскаго базара.—*Петербургѣ* Контора Бруно Валентини (Невскій пр., уг. Екатерин. кан. № 27—18) *Барнаулѣ*—въ книжн. складѣ о-ва попечен. о начальн. образов. и у С. В. Безсонова.—*Омскѣ*—у Е. А. Соколовой, Тарская улица, собственный домъ.—*Красноярскѣ*—у А. Б. Клюге.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Кромѣ того объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія въ Сибири принимаются въ центральной конторѣ объявленій Торговаго дома Л. и Э. МЕТЦЛЬ и К°, въ Москвѣ, Мѣсницкая улица домъ Сытова, въ его отдѣленіи, въ С.-Петербургѣ, на Б.-Морской ул. д. № 11-а и въ конторѣ объявленій Л. ШАБЕРТЪ въ Москвѣ Маросейка. уг. Златоустинскаго пер., д. Хвощинскаго, телеф. № 1320, въ *Берлинѣ*—Pestalozzistraasse 25 Consulentur „Pomoshnik".

Остерегайтесь поддѣлки! ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ Остерегайтесь поддѣлки!

Торговаго Дома А. Катыкъ и К° въ Москвѣ

всегда вырабатывались и вырабатываются механическимъ сособомъ,

безъ прикосновенія рукъ,

изъ наилучшей бумаги „Картушъ", „Филигранъ" и Тріумфъ".

Всѣ усовершенствованія выработки, высокое качество матеріала, безукоризненная чистота и изящная отдѣлка.

Предсѣдатель Попечительства дѣтскихъ пріютовъ князь ВЯЗЕМСКІЙ

покорнѣйше проситъ всѣхъ лицъ, желающихъ замѣнить Рождественскіе и Новогодніе визиты пожертвованіями въ пользу дѣтскихъ пріютовъ, пожаловать съ семействами 25 сего декабря въ 2 часа дня, въ Томское Общественное Собраніе для взаимныхъ поздравленій, послѣ чего визиты будутъ считаться исполненными.

Проситъ лицъ, желающихъ сдѣлать пожертвованія, оставлять для удобства внесенія въ списокъ, визитныя карточки.

КОНЬЯКЪ
ТОВАРИЩЕСТВА
ЗАВОДСКАЯ МАРКА
Н. Л. ШУСТОВЪ и С°
СОБСТВЕННИКЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХЪ КОНЬЯЧНЫХЪ ЗАВОДОВЪ ВЪ КИШИНЕВѢ И ЭЧМІАДЗИНѢ

Высшая награда Всемірная выставка въ Глазго (Англія) 1901 г.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ.

ДОКТОРЪ
КИРКЕВИЧЪ,
принимаетъ ГЛАЗНЫХЪ БОЛЬНЫХЪ
ежедневно утромъ отъ 9 до 1 часу. вечер. отъ 5 до 6 час., въ праздничн. дни отъ 9 до 11 ч. утра
Монастырской пер., № 5, домъ Моисеевой.

ПРИСЯЖНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ
Александръ Петровичъ
ВАСИЛЬКОВЪ
переѣхалъ въ домъ Толкачева, по Прито-Дуговскому переулку, № 12. Пріемъ отъ 9 до 10 утра и отъ 5 до 7 вечера.

Томское Добровольное Пожарное Об-во.

Въ первый день Р. Х. съ 10—11 ч. утра, въ гепо о-ва, вмѣсто визитовъ, состоится взаимное поздравленіе г. г. Членовъ Команды, а 27 Декабря имѣетъ быть СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕРЪ г.г. членовъ К-ди О-ва, въ д. Крюгеръ и Дюрихенъ по Магистр. ул., противъ г. Сибирякова. Начало въ 8 ч. вечера.

Начальникъ пожарной команды Н. Березницкій.

АНОНСЪ.

Съ дозволенія начальства, въ понедѣльникъ, 6-го января 1903 г., въ помѣщеніи Общественнаго Собранія въ пользу Томскаго Римско-Католическаго благотворительнаго Общества устраивается ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ съ платою за входъ имѣетъ съ благотворительнымъ сборомъ и сохраненіемъ верхняго платья: съ мужчинъ по 2 р. 20 к., дамъ 1 р. 10 к. и г.г. студентовъ въ формѣ 60 коп. съ персоны.

ВРАЧЪ
М. С. БЫХОВСКІЙ
болѣзни мочеполовыя, внутреннія и дѣтскія.
Миллиоднаг. д. Левина, № 50. Телефонъ № 135.
Пріемъ отъ 9 до 11 часовъ и отъ 5 до 7 ч.

Въ Коммерческомъ Собраніи
въ четвергъ, 26 декабря
ЕЛКА
съ подарками для дѣтей
и демонстрированіе БІОГРАФА
живыя движущаяся фотографіи. Репертуаръ картинъ выбранъ для дѣтскаго и зрелаго. Начало въ 5 ч. веч.

Въ пятницу, 27 декабря
ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ
съ участіемъ БІОГРАФА
живыя движущаяся фотографіи. Полный репертуаръ картинъ.
Начало въ 8½ час. веч.

Въ воскресенье, 29 декабря
ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕРЪ
Общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ.
Входъ по пригласительнымъ билетамъ.

Въ понедѣльникъ, 30 декабря
МАСКАРАДЪ
съ платой маски и гости по 1 р., члены Собранія безплатно.

Въ непродолжительномъ времени
ДАСТЪ
КОНЦЕРТЪ
СКРИПАЧЪ-СОЛИСТЪ
К. Думчевъ.

Общество взаимнаго вспоможенія приказчиковъ въ г. Томскѣ.

Правленіе Общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ въ г. Томскѣ, имѣетъ честь покорнѣйше просить г.г. членовъ О-ва пожаловать въ воскресенье, 29-го сего декабря, въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніе Коммерческаго Собранія (Магиструтская ул., домъ Самзыкина), на торжественное Общее Собраніе по поводу десятилѣтняго юбилея существованія Общества. Программа: 1) чтеніе исторической записки за 10-ти лѣтній періодъ существованія Общества. 2) Объ учрежденіи стипендіи при Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ, въ память 10-ти лѣтняго существованія Общества. 3) Выраженіе благодарности первымъ дѣятелямъ О-ва

КАТОКЪ
Добровольнаго Пожарнаго Общества.
27 декабря будетъ играть оркестръ музыки. (Соборная площадь).

Мѣсяцесловъ.

СРЕДА, 25 ДЕКАБРЯ
Рождество Господа нашего Іисуса Христа.
ЧЕТВЕРГЪ, 26 ДЕКАБРЯ.
Соборъ Пресвятой Богородицы. Свящмч. Евѳимія, еписк. сардійск. Преп. Евареста.

Изъ библейскихъ мотивовъ.

На Голгоѳѣ.

Тутъ стояла она у подножья креста,
Блѣдной статуѣ чудной подобна,—
Не стонала она,—не шептали уста
Ни молитвы, ни жалобы скорбной.
И скорбѣть, и страдать утомилась душа
Въ эти страшные дни, въ эти ночи..
Неподвижно стояла она, не дыша,
И не плакали скорбныя очи....
Въ материнской душѣ, истомленной тоской,
Стихли временно раны больныя,—
Проносились въ тотъ мигъ въ ней одна за другой
Вереницей мечты золотыя.....
Ночь сырая.. Въ пастушьей пещерѣ почлегъ...
Бѣдный людъ въ ней и скотъ пріютился..
И вотъ здѣсь—не въ чертогѣ роскошествъ и нѣгъ,—
Ея сынъ къ грѣшнымъ людямъ явился..
Съ свѣтлой радостью, съ тихою лаской любви.
Она въ ясли его положила...
И когда обратилъ Онъ къ ней очи свои,—
Въ нихъ сіяла небесная сила..
Въ ея сердцѣ былъ рай.. Безгранично вокругъ
Небеса и земля ликовали:
„Онъ—спасеніе дастъ, уврачуетъ недугъ",
„Утолитъ всѣ людскія печали!"..

. . . . . .

Храмъ Сіона и въ храмѣ великомъ синклитъ
Фарисеевъ—блестящій и властный,—
И ученыхъ мужей саддуккеевъ... Сидитъ
Между ними и отрокъ прекрасный..
И всѣ слушаютъ рѣчи Его.. Онъ одинъ
Поглотилъ все вниманье синклита...
И не отрокъ Онъ здѣсь:—Онъ здѣсь думъ властелинъ,
Лишь ему книга Бога открыта..
И толпится народъ, въ храмъ стараясь пройти,
Чтобы слышать Его поученье...
Счастьемъ, гордостью чистой забилось въ груди
Сердце матери въ это мгновенье...
Онъ въѣзжаетъ въ ворота столицы святой
Израилева царства... Повсюду
Вѣтви пальмъ, какъ знамена, видны надъ толпой
Бѣдняковъ и рабочаго люда...
Сынъ Давидовъ грядетъ,—Богъ и другъ бѣдняковъ,
Онъ—угроза всесильнымъ и властнымъ...
Тамъ, гдѣ Онъ, тамъ не должно быть больше оковъ,
Тамъ отрада и миръ—всѣмъ несчастнымъ...
И одеждами путь устилаютъ Его..
И какъ волны шумятъ океана.
Такъ ликуетъ народъ.. И гремитъ торжество,—
Воздухъ возгласомъ полонъ „Осанна"!

N. N.

Гимнъ истины.

Надъ пещерой, въ которой на охапкѣ сѣна, брошенной въ ясли, лежалъ прекрасный младенецъ, гремѣлъ ангельскій согласный хоръ. Ангелы пѣли о томъ, что настаетъ время искупленія міра, что въ этотъ міръ, въ образѣ Христа, родилась истина, что скоро свѣтъ освѣтитъ умы темнаго человѣчества, что скоро миръ и любовь снизойдутъ въ озлобленное черствое сердце человѣка.

И грозна и сладка была эта пѣснь: грозна для насильниковъ и угнетателей, сладка для обиженныхъ и униженныхъ.

Пѣснь гремѣла, волны звуковъ плавно неслись по воздуху и разносились по самымъ отдаленнымъ уголкамъ вселенной, достигали до самыхъ отдаленныхъ странъ міра.

***

Въ грозной, воинственной позѣ полудремалъ старый Римъ, опершись на острое копье и положивъ свою мощную руку на тяжелый мечъ. Въ этой полудремѣ онъ мечталъ о своихъ былыхъ дѣлахъ, когда его несокрушимые легіоны прошли чуть-ли не полъ-міра и залили лѣса и луга кровью милліоновъ людей. Старый Римъ затѣвалъ новый набѣгъ, новые легіоны хотѣлъ онъ двинуть въ походъ, чтобы залить кровью остальной полъ-міра. И въ полудремѣ старый воинъ обдумывалъ это кровавое дѣло.

Вдругъ онъ вздрогнулъ: съ той стороны, гдѣ лежала бѣдная, порабощенная имъ Іудея, до него донеслись звуки пѣсни.

Все ближе эти звуки, все тверже они и мощная пѣснь загремѣла надъ Римомъ; сладкая для слуха угнетенна, грозная для слуха угнетателя.

И вздрогнулъ старый Римъ, выронивъ изъ рукъ свое копье и взоромъ, въ которомъ въ первый разъ изобразился испугъ, обратился въ сторону порабощенной страны.

А оттуда неслись все новые и новые звуки и, сталкиваясь и переплетаясь, складывались въ гимнъ, въ гимнъ истинѣ...

***

Прекрасная, какъ утренняя заря, жизнь какъ горный водопадъ, Эллада утопала въ пѣсняхъ и цвѣтахъ.

Рѣкой лилось вино, гремѣли пѣсни вакханокъ, и вся Эллада сливалась въ одномъ страстномъ грѣховномъ поцѣлуѣ, сплеталась въ одномъ сладострастномъ безстыдномъ объятіи.

И надъ нею пронеслись звуки пѣсни изъ Іудеи. Переплетаясь и сливаясь, они сложились въ мощный гимнъ Истинѣ, грозно зазвенѣли надъ Элладой.

И вздрогнула Эллада, смолкли пѣсни вакханокъ, разомкнулись отъ поцѣлуя уста, распались объятія и замерли въ испугѣ безстыдство и развратъ...

***

Сѣрый какъ песокъ, мрачный, какъ нужда, изнывалъ надъ работой Египетъ.

Не было слышно ни пѣсенъ, ни словъ. Шуршалъ подъ лопатой песокъ, стучалъ молотокъ каменьщика, грохоталъ молотъ каменотеса

И все выше и выше поднимали свои головы громады—пирамиды, все выше и выше росли они, какъ-бы стремясь достигнуть неба.

И стонала и надрывался народъ, создавая призрачное безсмертіе для фараоновъ.

И надъ Египтомъ грянулъ гимнъ изъ Іудеи. И надъ Египтомъ пронеслись звуки, переливаясь и сплетаясь, слившіеся въ чудную пѣснь объ Истинѣ.

И вздрогнулъ Египетъ, выпала лопата изъ рукъ изможденнаго землекопа, упалъ свой молотокъ обезсилѣвшій каменьщикъ, уронилъ тяжелый молотъ надорвавшійся каменотесъ.

А гимнъ гремѣлъ и содрогнулась отъ края и до края страна фараоновъ-мучителей.

***

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ. Переломился на двое ржавый мечъ одряхлѣвшаго Рима, смолкли, и навсегда, вакхическія пѣсни прекрасной Эллады, разсыпаются подъ гнетомъ времени вѣковыя памятники Египта-пирамиды.

Но мощный гимнъ Истинѣ живъ до сихъ поръ. По старому, несутся эти звуки по вселенной, — по старому, переливаясь и, переплетаясь, складываются въ сладкую и грозную пѣснь: сладкую—для друзей истины, грозную—для враговъ ея.

Но будетъ время,—я вѣрю,—когда грозныя звуки этой пѣсни исчезнутъ и никто не задрожитъ предъ этимъ гимномъ.

Это будетъ тогда, когда равенство, миръ и любовь воцарятся въ подлунной...

Это будетъ тогда, когда все человѣчество само грянетъ этотъ чудный и мощный гимнъ.

В. Ѳ.

Stella noetis Dei.

Огромный городъ, освѣщенный электричествомъ, шумный полный жизни съ роскошными витринами магазиновъ былъ особенно оживленъ сегодня. Оживленіе на улицахъ было болѣе, чѣмъ всегда: всѣ куда-то спѣшили, торопились, у всѣхъ въ рукахъ видны были покупки. Былъ канунъ Рождества. У большаго магазина съ дорогими роскошными витринами стояла, тѣсно прижавшись къ огромному зеркальному стеклу, дѣвочка лѣтъ 12-ти съ истощеннымъ, блѣднымъ личикомъ; она была бѣдно одѣта въ старое заплатанное пальтецо, плохо грѣвшее маленькое тѣльце, и зябко куталась въ большую старую шаль; а харіе, разгорѣвшіеся глаза не отрываясь глядѣли въ окно на витрину, гдѣ за стекломъ блестѣли мишурныя украшенія богато убранной елки. Чего-только не было на ней и не перечислишь! Дѣвочка забыла сверточекъ въ рукахъ, забыла, что ее спѣшно послали хозяева за этой покупкой, и все смотрѣла, какъ очарованная. Особенно привлекала ея большая стеклянная звѣзда на верхушкѣ дерева, сверкавшая всѣми цвѣтами радуги. Она бы долго простояла тутъ, вся уйдя въ ея созерцаніе, еслибы одинъ прохожій—высокій старикъ, одѣтый въ богатую шубу, не окликнулъ ее.

— Дитя! ласково сказалъ онъ ей, а вѣдь тебя, навѣрно, послали и будутъ бранить зато, что долго не ворочаешься!.. да и не стоитъ эти мишурныя звѣзды твоего вниманія,—посмотри—вонъ на небѣ звѣзда другая, вонъ та большая яркая, первая появившаяся въ этотъ вечерней ночи... любуйся

...тъ въ руку испуганнаго ребенка блестящую золотую монету и спѣшно ушелъ, затерявшись среди толпы. Дѣвочка тоже пошла... въ рукѣ ея была монета въ 5 рублей и ея сердце трепетало отъ радостнаго чувства, что у ней будетъ обновка къ празднику, хорошая обновка: вѣдь она дитя нужды и лишеній, знала цѣну деньгамъ! И невольно благодарные, каріе глаза внимательно взглянули на небо, гдѣ въ тихомъ лучистомъ сіяніи стояла большая звѣзда-звѣзда Божіей ночи!

* * *

Чудный, залитый огнями, бальный залъ... посреди него—елка нарядная, богатая,—а кругомъ—дѣти, какъ прелестные цвѣты, роскошно и пышно одѣтыя!.. а около нихъ—ихъ матери, тоже нарядныя: тоже похожія на цвѣты!. музыка... смѣхъ... веселье: это встрѣчаютъ „Рождество" и празднуютъ рожденіе 11 лѣтней Вавы, дочки хозяина. А въ концѣ зала, въ глубокой амбразурѣ окна, миловидная, скромно и просто одѣтая, дѣвушка стоитъ, отвернувшись отъ блеска огней... одиноко стоитъ, прижавшись бѣлымъ нѣжнымъ лбомъ къ зеркальному стеклу,—это гувернантка Вавы, бѣдная сирота,—одинокая съ ранняго дѣтства, у которой нѣтъ ни одной близкой души во всемъ огромномъ мірѣ... Она смотритъ на звѣздное небо, она думаетъ о наступающемъ праздникѣ, радостномъ для другихъ... и тоска одиночества крадется въ ея сердце и больно щемитъ его... никому-то она не нужна!.. Правда, гдѣ-то далеко у ней есть дѣдушка,—дядя ея матери—это давно давно говорила ей, тогда еще 9 лѣтней дѣвочкѣ, ея мать, онъ уѣхалъ изъ Россіи, когда она была крошкой: мать ея онъ очень любилъ, писалъ ей, а потомъ какъ-то все прекратилось, и она не знаетъ теперь, гдѣ единственный родной ей человѣкъ... быть можетъ, померъ давно: вѣдь старикъ!..

Къ ней быстро подошелъ лакей и прервалъ нить ея думъ, съ небрежной почтительностью передавая приказаніе хозяйки заняться за чайнымъ столомъ дѣтьми, помочь экономкѣ, которая не успѣваетъ справиться... она покорно пошла длинной аммиладой комнатъ, пришла въ огромную столовую, гдѣ ея обступили прибѣгавшія группами дѣти... одинъ требовалъ одно печенье, другіе—другое... Этимъ нужно было варенье—а тѣмъ или конфекты или бисквитъ, и она хлопотала, исполняя ихъ требованія, высказываемыя иными очень грубо. Она устала... даже миловидное личико побѣдѣло и выглядѣло совсѣмъ печально... а требованія сыпались со всѣхъ сторонъ

Mademoiselle! мнѣ эту тартинку!

— А мнѣ шоколаднаго торта и то пирожное.

— Мнѣ, я просила васъ, дать бисквитъ, а вы мнѣ дали это миндальное, которое я не люблю... почему это?

И пока она объясняла, давала, хлопотала, въ дверяхъ столовой показался маленькій красивый старикъ, за которымъ любезно, съ знаками глубокаго почтенія, шли самъ хозяинъ и его гордая жена.

— Ну, дѣти, предупреждаю, [громко заявилъ хозяинъ,—вести себя хорошо!.. съ вами захотѣлъ пить чай самый добрый дѣдушка въ свѣтѣ... не злоупотребляйте-же его добротой!

А добрый дѣдушка зорко оглядѣлъ этотъ цвѣтникъ изъ дѣтскихъ головокъ, эти личики, смотрѣвшіе на него любопытными глазами... онъ ихъ всѣхъ какъ-то сразу разсмотрѣлъ и сѣлъ за столъ, улыбаясь имъ.

— Пожалуйста прошу оставить меня! любезно, но нѣсколько сухо, обратился онъ къ хозяевамъ: не заботьтесь—мнѣ будетъ хорошо... мнѣ такъ хочется, а вотъ барышня потрудится угостить меня!

И онъ внимательно взглянулъ на дѣвушку, на ея усталое, истомленное лицо.. ему бросилось въ глаза посреди окружающей ихъ роскоши ее простенькое сѣренькое платьице и, жестомъ отпустивъ все еще не уходившихъ хозяевъ, онъ обратился къ ней, протягивая тарелочку для печенья.

— Ну а теперь mademoiselle будетъ такъ добра и дастъ мнѣ кусочекъ торта и чашку чаю!

Она, не тормошимая притихшими дѣтьми, быстро исполнила его просьбу, невольно взглянула въ лицо ему: съ этого лица сошло холодное выраженіе, съ какимъ онъ говорилъ съ хозяевами, и онъ улыбался ей добродушно и ласково, а притихшія было дѣти опять поднялися съ своими требованіями и, исполняя ихъ, она все чувствовала на себѣ этотъ пристальный, ласковый взглядъ добрыхъ и умныхъ глазъ. Онъ нѣсколько минутъ наблюдалъ за нею и заговорилъ, обращаясь къ дѣтямъ,

— Ахъ,—вы эгоисты маленькіе!.. думаю я, что вы уже сыты и ничего не хочете, а mademoiselle устала... тамъ скоро потушатъ елку, и бы посовѣтовалъ вамъ спѣшить, а вамъ, милая барышня; съѣсть выпить со мною чашку чая, такъ какъ я рѣшилъ не уходить отсюда до тѣхъ поръ, пока вы не исполните капризъ старика.

Она благодарно улыбнулась ему, но все стояла, хотя дѣти почти всѣ кончили пить, и столовая опустѣла...

— Что-же вы не сядете? вѣдь вы устали, дитя! сядьте—поговоримъ... вотъ сюда, напротивъ, поближе ко мнѣ...

— Налейте чашку mademoiselle! Повелительно отнесся онъ къ экономкѣ. И пока та исполняла это, смущенная дѣвушка робко и опасливо оглянулась на дверь, въ которой зашуршало тяжелое шелковое платье хозяйки.

— А это вы? небрежно бросилъ старикъ, тоже увидавъ подходившую, знаете я рѣшилъ не уходить отъ сюда, пока mademoiselle не напьется чаю, надѣюсь, вамъ она не нужна? и онъ холодно отвернулся отъ любезно улыбавшейся хозяйки, успѣвшей бросить на дѣвушку гнѣвный и презрительный взглядъ.

— Не бойтесь, сядьте! опять обратился онъ къ дѣвушкѣ: скажите мнѣ давно вы въ этомъ домѣ?

— 6 мѣсяцевъ, какъ кончила .. робко отвѣтила она.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— 17!

— А ваше имя, дитя мое?

— Меня зовутъ, Кола... Кола Верзенъ.

— Какъ вы сказали? Повторите, ради Бога!

Онъ даже чашку оттолкнулъ и весь приподнялся.

— Кола Верзенъ испуганно почти прошептала она.

— А—мать... мать—Герта? да говорите-же?:

— Да-да.

— Жива она?

— Нѣтъ: мнѣ было 10 лѣтъ, когда она умерла... у меня никого нѣтъ.. я совсѣмъ одинока съ горечью договорила она.

— Мать ничего вамъ не говорила объ одномъ родственникѣ? волновался старикъ.

— Говорила! . изумленно подняла дѣвушка свои грустные синіе глаза на лицо старика, она часто говорила мнѣ о пропавшемъ безслѣдно дядѣ Генрихѣ Гарбертъ... Я хорошо это помню!..

Она, еще болѣе изумленная, глядѣла на лицо страннаго старика: оно все улыбалось счастливой улыбкой и глаза, которые, какъ она видѣла, могли смотрѣть надменно и холодно, сіяли такой радостью... весь онъ точно помолодѣлъ Быстро обойдя столъ, онъ подошелъ къ изумленной дѣвушкѣ, взялъ ее за обѣ руки и, къ великому смущенію чопорной экономки, привлекъ къ себѣ головку Колы, горячо цѣлуя ея бѣлый лобъ...

— Кола!.. вишь какая выросла: я тебя помню крошкой!.. и сколько лѣтъ искалъ... 4 долгихъ года, и не могъ найти!.. Какой счастливый день!.. дитя, да пойми-же ты: вѣдь я твой старый дѣдушка, а ты моя дорогая единственная внучка!.. Я—Генрихъ Гарбертъ,—„старый богачъ Гарбертъ", какъ величаютъ меня тѣ тамъ въ залѣ, а я былъ бѣденъ любовью... одинъ, безъ родныхъ... а теперь я, дѣйствительно богачъ; у меня нашлась самая большая драгоцѣнность!

И, повернувшись къ дверямъ, онъ махнулъ рукой заглянувшему въ нихъ и видимо, изумленному хозяину и быстро двинулся къ нему, ведя за руку внучку.

— Можете поздравить меня, любезный другъ, въ вашемъ домѣ я нашелъ свое дитя... Мою наслѣдницу.. мою дорогую внучку!.. давно не было для меня такого радостнаго Рождества...

И глаза его сіяли счастьемъ и довольствомъ..., онъ съ хозяиномъ, сперва превратившимся въ соляной столбъ, а потомъ разразившимся градомъ поздравленій, и взволнованной внучкой направился въ залъ и, войдя въ кругъ блестящихъ гостей, обступившихъ его, высоко приподнялъ маленькую ручку внучки и громко сказалъ голосомъ, полнымъ нескрываемой радости:

— Господа! представляю вамъ мою внучку и наслѣдницу—Колу Верзенъ!.. Это дочь моей племянницы, моей единственной родственницы, ее я давно искалъ и нашелъ неожиданно въ этотъ прекрасный день!

И подъ гулъ поднявшихся поздравленій онъ, любезно раскланиваясь на всѣ стороны, пошелъ къ выходу, ведя за собой миловидную дѣвушку въ простенькомъ платьицѣ съ разгорѣвшимся лицомъ и полными благодарныхъ слезъ глазами... Онъ спѣшилъ увести ее отъ этой толпы, изъ этого дома, гдѣ она терпѣливо несла бремя бѣдности, увезти на тысячныхъ рысакахъ въ ея домъ, гдѣ ее ждала роскошь, довольство и любовь! И, садясь въ роскошную карету, дѣвушка благоговѣйно взглянула на небо, осыпанное звѣздами, и потомъ посмотрѣла на дѣда. Онъ тоже смотрѣлъ въ спущенное окно кареты на это темное высокое, небо, а губы его что-то шептали, и слезы блестѣли на поднятыхъ къ этому небу глазахъ. И въ этихъ глазахъ отразилась для нея на мгновеніе яркая и прекрасная звѣзда—звѣзда Божіей ночи!..

* * *

Тамъ на заднихъ глухихъ улицахъ, гдѣ не было уже не только электричества, но даже и керосиновыхъ фонарей, завернувшись въ старую шаль, свернутую пледомъ, въ одной ватной тужуркѣ спѣшно бѣжалъ съ поисковъ за уроками молоденькій изящный студентъ; въ его сердцѣ не было праздничнаго настроенія, и немудрено: вотъ уже 2 недѣли, какъ онъ бился полуголодный, а сегодня у него не было еще съ утра ни крошки. Къ товарищамъ, такимъ же бѣднякамъ, стыдно идти просить помощи,—онъ никогда не рѣшится; а уроковъ—нѣтъ нигдѣ... все занято: сколько кромѣ него, бѣдноты кругомъ, жаждущей за кусокъ хлѣба отдать свое знаніе и силы! А жить нечѣмъ: 3 недѣли тому назадъ умеръ его отецъ, посылавшій ему содержаніе... Мачиха написала ему жестокое письмо, гдѣ категорически высказала, что теперь ему разсчитывать на поддержку нечего, что у ней свои дѣти, и она не намѣрена тратить на него своихъ средствъ, а стецъ вашъ средствъ вамъ не оставилъ... пеняйте на него!" Но онъ не пенялъ, голодный, измученный, онъ не смѣлъ пенять; слишкомъ онъ любилъ своего добраго твердаго отца, слишкомъ самъ былъ чуждъ зависти и злобы. Но сегодня въ его сердце, послѣ цѣлаго голодного дня, проведеннаго въ безполезныхъ поискахъ работы, кралось холодное отчаяніе, и онъ спѣшилъ въ свой уголъ, занимаемый имъ на краю города; онъ еще оставался у него, былъ пока его достояніемъ до 1-го числа. Вотъ и домишка черный, покосившійся!.. По скрипучему крыльцу онъ прошелъ въ темныя сѣни, въ которыхъ пахло саломъ, капустой, прогорклымъ масломъ, и отворилъ дверь въ крохотную комнатку, скорѣе чуланчикъ, въ которомъ, однако, было тепло. Ощупью онъ забрался на кровать и сѣлъ на нее съ ногами, крѣпко сжавъ руками горячую голову; а голодъ мучилъ его, терзалъ... и мысли одна чернѣе другой шли въ голову.

Въ дверь постучали.

— Я, хозяйка свѣтила ему тутъ вамъ два письма прислали—я—ихъ на столъ, положила... дать, штоли, свѣчку-то: вѣдь своей-то нѣту?

— Дайте! тихо и грусно сказалъ онъ, вставая.

Толстая грязная женщина вошла, презрительно на него поглядывая, поставила, на столъ свѣчу и вышла, грубо сказавъ ему.

— Прочитаете, да отдайте: нечего зря-то чужія свѣчи жечь!

Все еще не отошедшіе пальцы плохо повиновались студенту, когда онъ разрывалъ первый конвертъ: въ немъ были 25 рублевая кредитка—и записка, на которой было написано крупнымъ почеркомъ: „это подарокъ рождественской Звѣзды!", въ другомъ конвертѣ лежало оффиціальное предложеніе занятій, весьма выгодныхъ и хорошо оплачиваемыхъ; его извѣщали, что, во всякомъ случаѣ, если онъ пожелаетъ, онѣ останутся за нимъ!. а карандашемъ была приписка, что въ согласіи его не сомнѣваются.. „Рождественская Звѣзда" тихо прошепталъ онъ и задумался; слезы навернулись на его глубоко запавшіе глаза, благодарные слезы... онъ же смахнулъ ихъ и, потушивъ свѣчу, подошелъ къ маленькому окошку, отеръ запотѣвшее стекло рукавомъ и долго глядѣлъ въ глубину темнаго неба, гдѣ въ высотѣ сіяла, искрилась звѣзда Божіей! ночи!

* * *

Большая и свѣтлая комната, хотя почти пустая съ какимъ-то казеннымъ отпечаткомъ,—неуютная, непривѣтливая: это гауптвахта!.. у стола молоденькій офицерикъ, почти мальчикъ. Его лицо мертвенно блѣдно а голубыя глаза мрачно глядятъ куда-то въ пространство, и судорога порою искажаетъ такія красивыя черты

Сегодня его смертельно оскорбилъ его сослуживецъ, этотъ мерзавецъ Осунскій... Онъ, положимъ, пьянъ былъ по чтоже изъ этого? больше того, онъ былъ правъ, оскорбляя его, бросая ему кличку „вора!" да это правда.. вѣдь это оскорбленіе справедливо, хотя никто этого не подозрѣваетъ... и добрый къ полковникъ, зная его горячность, отправилъ его, пораженнаго въ самое сердце, на гауптвахту „въ предотвращеніе дуэли," какъ онъ выразился, а Осунскаго арестовалъ дома. Но развѣ онъ виноватъ, что онъ воръ? развѣ онъ для себя кралъ эти проклятые казенные деньги?... подлецъ, подлецъ! вѣдь-же онъ самъ, Осунскій, выманилъ ихъ у него, клялся застрѣлиться, если онъ его не выручитъ ... и онъ повѣрилъ, далъ ему эти 600 рублей казенныхъ денегъ, далъ на честное слово на недѣлю, до получки тѣмъ ожидаемой имъ такой-же суммы... и вотъ все оказалось ложью: ни какихъ денегъ онъ не ждалъ, а на тѣ, что онъ такъ подло выманилъ у довѣрчиваго юноши, началъ кутить и надъ нимъ же смѣяться... а сегодня тамъ, въ кружкѣ офицеровъ, у ихъ старика полковника, когда онъ не подалъ Осунскому руки, тотъ бросилъ ему слово „воръ" такъ открыто и смѣло, что онъ, пораженный на мѣстѣ, замеръ, и еслибы, ничего неподозрѣвающій командиръ, то онъ бы убилъ этого подлеца..' а черезъ нѣсколько дней ревизія... 600 рублей недохватки... И какъ онъ могъ быть такимъ довѣрчивымъ, такъ непростительно довѣрчивымъ? А теперь что-же остается? теперь этотъ негодяй выйдетъ сухъ изъ воды а онъ?.. нѣтъ, только и остается убить себя! убить... но доброе имя его?... а съ матерью.., что только будетъ съ его матерью?.... „и офицеръ съ силою сжимаетъ голову обѣими руками", быстро вставъ начинаетъ ходить по комнатѣ больш. шагами. Въ окнона него смотрятъ звѣзды, большія, кроткія южныя звѣзды, а ночь какая-то точно не зимняя: синяя и теплая... даже окна не затянуло морознымъ узоромъ. Онъ невольно засмотрѣлся на небо, особенно одна звѣзда была хороша—большая, блестящая... отъ нея свѣтъ какой-то особенный лился лучистый... „Господи! вѣдь сегодня канунъ рождества! "вспомнилъ онъ и тоска еще пуще сдавила сердце. Вдругъ въ корридорѣ послышались шаги вошелъ высокій сѣдой солдатъ съ добрымъ лицомъ и большими усами; онъ заботливо склонился къ поручику и подалъ ему письмо.

— Давеча еще вашъ деньщикъ принесъ, ваше благородіе, да я запамятовалъ... простите!. А какъ прочитаете, такъ господинъ полковникъ велѣли доложить имъ—они здѣсь, въ канцеляріи,— и къ вамъ хотѣли пройти!

Молодой человѣкъ торопливо распечаталъ письмо, адресованное знакомымъ почеркомъ его матери, и сталъ читать. Строчки скакали передъ его глазами, волненіе охватило его, какъ всегда при чтеньи писемъ матери, горячо имъ любимой... да и писала она удивительное, радостное для него сообщеніе и сердце его шибко забилось отъ внезапнаго прилива восторженной радости.

„Миша! Господь тебя за любовь ко мнѣ награждаетъ! Съ праздникомъ тебя, родной мой, съ Рождествомъ наступающимъ, съ радостью!.. Не хочу томить тебя: на-дняхъ, послѣ полугода, прошедшаго со смерти дяди твоего, а моего троюроднаго брата Сергѣя Кирилдыча Пиратольскаго, вскрыли его завѣщаніе, и ты оказываешься его наслѣдникомъ, и введенъ во владѣніе уже... а я думала почему это все о тебѣ у меня справлялися, бумаги посылали мнѣ съ запросами а оно вонъ что; и все дядино имѣніе, твое теперь, оно состоитъ изъ богатѣйшаго завода и усадьбы, оцѣненнаго въ 90 тысячъ; да чистаго капитала помимо всего въ 40 тысячъ рублей... тебѣ уже послано увѣдомленіе... вотъ тебѣ и академія, о которой ты мечталъ... вотъ и покой мой на старости!. Спасибо дядѣ, а я его и забыла совсѣмъ, и родней то почти не считала!.. Это все Господь, Митя, за кротость твою да за терпѣніе... разсчитала я, что это письмо придетъ къ тебѣ въ канунъ Рождества, а почта, ты писалъ, приходитъ къ вамъ въ среду вечеромъ!—стало-быть, ты получишь его въ канунъ самый, вмѣстѣ съ Звѣздою Рождественской... какъ будто спаситель тебя наградить захотѣлъ въ этотъ день великій. Дитя мое, не забывай Его!".. Что-то бродило въ груди офицера; отдалось въ глубинѣ, въ сердцѣ! хорошей свѣтлой радостью и онъ такими счастливыми глазами взглянулъ на входившаго старика, что тотъ невольно улыбнулся ему своей доброй ласковой улыбкой.

— Чему радъ? обратился онъ къ юношѣ?

— А тотъ уже былъ около него, взялъ его руки и заговорилъ откровенно и довѣрчиво, разсказывая, какъ отцу о своей ошибкѣ, о своемъ разочарованіи, отчаяніи и радости... а старикъ задумчиво слушалъ его, то покачивая головой, то одобрительно кивая. И когда онъ прочиталъ письмо, то добрая улыбка снова появилась на его озабоченномъ лицѣ и онъ сказалъ съ ласковымъ упрекомъ.

— А все-же и безъ денегъ этихъ губить тебя было позорно; губить за подлеца!.. Мать-бы убилъ и мнѣ обидно старику, что довѣрія ко мнѣ мало: вѣдь я насъ всѣхъ, какъ дѣтей, люблю и выручилъ бы... а всетаки велико дѣло материнская любовь, и забота вѣдь погибъ бы человѣкъ ни за грошъ, опоздай она немного!.. А мнѣ бы вѣрю ничего не сказалъ, хотя чувствовалъ я, что есть что-то у тебя на душѣ оттого и сюда пришелъ, хотя каюсь для попытки, а надежды правду узнать не было. Эхъ, братъ, и въ такую-то ночь!..Посмотри-ка —какая-она свѣтлая ясная - вѣдь сегодня Рождество... Звѣзда-то... какъ твоя мать тамъ пишетъ: „вмѣстѣ съ звѣздой рождественской радость тебѣ?" И, обнявъ за талію молодого человѣка, онъ подошелъ съ нимъ къ окну.—Долго молча глядѣли они на звѣзды и у обоихъ точно спадала громадная тяжесть съ души, а на нихъ въ ясномъ сіяніи, словно привѣтствуя ихъ, смотрѣла съ теплаго южнаго неба большая прекрасная звѣзда—звѣзда Божіей ночи!

* * *

Огромныя горы, покрытыя лѣсомъ... дикія скалы... непроходимыя дороги, тропинки скорѣе, по которымъ только верхомъ можно пробраться... и все это какъ саваномъ одѣто толстымъ слоемъ снѣга, среди бѣлизны котораго широкая полоса темной, незастывшей воды огромнаго на десятки верстъ протянувшагося озера... какъ-то особенно ярко выдѣляется при сіяніи яркихъ звѣздъ, осыпавшихъ небо!.. Страшная глубина тутъ!.. Говорятъ, жители побережье бѣдные и городны и боятся этой незастывающей пучины; особенно, когда она разволнуется въ мятели и глухо рокочетъ, налетая темными волнами на ледъ... Словно угрозу начнетъ всякому, кто осмѣлиться подойти къ этой гигантской полынью. Но сегодня ночь стоитъ тихая, холодная... И на гладкой темной поверхности воды какъ то странно блестятъ отраженныя большія звѣзды... по берегу озера ѣдутъ двое инородцевъ въ своихъ шубахъ съ уродливыми шапками на головахъ; они спѣшатъ куда-то, погоняютъ маленькихъ горныхъ лошадокъ, которыя, пофыркивая, осторожно ступаютъ по тропѣ, проложенной на скалистомъ обледѣлломъ берегу. Это старый Тюхтеня и его жена спѣшатъ въ дальній станъ къ своей умирающей дочери. Они не знаютъ, что сегодня рождественская ночь... Они спѣшатъ полные тоскливой думы о дочери, которая тамъ въ станѣ, гдѣ живетъ русскій миссіонеръ!. и еще издали, перебравшись черезъ перевалъ, они слышатъ благовѣстъ, радостный, торжественный, рождественскій благовѣстъ, непонятный бѣдному языческому сердцу. Попышь, жена Тюхтеня, особенно торопитъ усталаго коня, вѣдь еще вчера сказалъ имъ Савакъ, бывшій въ стану, что ихъ молодая, недавно выданная замужъ дочь, жестоко больна, что уже звала кама къ ней, но не помогло,—что они едвали застанутъ ее въ живыхъ. Они въ туже минуту собрались и поѣхали... Они торопились, но дороги тропы такъ ужасны, такъ глубока бездна озера!.. имъ пришлось ѣхать въ объѣздъ, и только сейчасъ достигли они жилища своего ребенка. Большая юрта уныло выдѣляется на бѣломъ снѣгу среди сосенъ, темно и тихо, только одинъ колоколъ звучитъ уже въ дали: они проѣхали весь станъ, довольно большой и рѣдко построенный: юрта дочери на самомъ концѣ его, ни гдѣ въ окнахъ избушекъ ни огонька... однѣ звѣзды ясно сверкаютъ и переливаются на небѣ. Тихо слѣзаютъ старики съ усталыхъ коней и идутъ въ юрту, а въ сердцѣ ихъ легла тяжкая дума „она умерла!" Ихъ услышали. Зять вскочилъ... Мать его... Поднялся тихій говоръ.

— Что дочь? Спрашиваетъ мать на своемъ пѣвучемъ языкѣ, дрожащемъ, полномъ тревожной муки.

— Якши (хорошо),.. Якши!.. спитъ она . лучше... здорова.

— Сегодня лучше стало!., Тихо перебивая другъ друга, говорятъ хозяева, камъ-былъ... потомъ руска попъ приходилъ... сказалъ: „родится Богъ завтра... русскій Богъ!.. тебѣ, сказалъ, онъ здоровья дастъ... Повѣрь дастъ... она повѣрила... Здорова вотъ... лучше ей... онъ сказалъ: „звѣзду увидишь, Богъ родится!.. моешь!" она все ждала... увидала... стала весела... Засмѣялась... говоритъ: „Есть дайте, хочу!., дали маленько: такъ онъ велѣлъ маленько давать... Поѣла—спитъ... не горяча... спасибо русскому Богу!.. И они все продолжали говорить радостные, возбужденные!.. Издали лился звучный благовѣстъ, а надъ ними высоко, надъ юртой, въ темномъ небѣ сіяла ясная, торжественно—прекрасная звѣзда-звѣзда Божіей ночи!

А. Мирская.

Елка ученаго.

Рождественская сказка.

Онъ былъ старъ—сѣдые волосы въ его бородѣ начинали уже желтѣть, а всѣ его интересы, радости и желанія сосредоточились въ тѣхъ двухъ большихъ комнатахъ, въ которыхъ онъ жилъ, отгородивъ себя отъ шумнаго и безпокойнаго міра. Эти комнаты были завалены громадными, тяжелыми томами научныхъ трактатовъ, сухихъ и скучныхъ для человѣка, не посвященнаго во всѣ мелочи науки; нѣкоторые изъ этихъ томовъ написалъ самъ ученый, другіе—его коллеги. Въ однихъ онъ училъ, изъ другихъ учился. Монументальные шкафы хранили въ себѣ кучи ветхихъ рукописей; иныя настолько уже подверглись тлѣнію, что могли разсыпаться отъ грубаго прикосновенія и съ ними нужно было обращаться куда нѣжнѣе, чѣмъ съ новорожденнымъ ребенкомъ. Другія были написаны непонятными, угловатыми письменами на таблицахъ изъ обожженой глины. Эти таблицы провели тысячелѣтія подъ развалинами древняго города, бывшаго когда-то столицей могучаго государства, прежде чѣмъ попали въ кабинетъ ученаго.

Ученый посвятилъ много лѣтъ на изученіе глиняныхъ таблицъ и достигъ того, что разбиралъ на нихъ надписи—не лучше и не быстрѣе, чѣмъ можетъ читать газету только-что научившійся грамотѣ школьникъ. Но и это была уже большая заслуга со стороны ученаго, потомучто языкъ, на которомъ были написаны таблицы, давно исчезъ съ лица земли, а значеніе многихъ знаковъ приходилось только угадывать.

Ученый былъ достаточно счастливъ и не могъ пожаловаться на то, что его научные труды остаются совершенно безъ награды. Его награждали дипломами и медалями, многія ученыя академіи избрали его своимъ членомъ, а одна даже выдавала ему небольшую ежегодную пенсію.

Были у ученаго, гдѣ-то въ далекомъ маленькомъ городкѣ, близкіе родственники, но онъ не интересовался ихъ судьбой, потомучто всѣ они были простые, неразвитые люди, не знающіе въ совершенствѣ даже своего родного языка.

Со своими немногочисленными знакомыми ученый говорилъ только объ ассирійскихъ таблицахъ, о новыхъ задачахъ и открытіяхъ филологіи и о спорной транскрипціи именъ давно превратившихся въ прахъ ассирійскихъ царей.

Онъ не скучалъ. Его жизнь текла однообразно и правильно, и о числѣ прожитыхъ дней онъ могъ судить только по количеству сдѣланной работы. Ему трудно было-бы написать свою автобіографію такъ, что бы ее сочла интересной большая публика, какъ извѣстно, мало интересующаяся клинообразными письменами.

И ученому исполнилось, наконецъ, ровно восемьдесятъ лѣтъ. Немногіе доживаютъ до такой старости и въ этотъ періодъ времени можно было-бы втиснуть, безъ особенныхъ усилій, цѣлыхъ двѣ обычныхъ человѣческихъ жизни,—но старый ученый даже не вспомнилъ о своемъ личномъ праздникѣ, хотя день его рожденія приходился какъ разъ въ канунъ Рождества.

Утромъ онъ надѣлъ, какъ обыкновенно, свой рабочій сюртукъ, съ аппетитомъ позавтракалъ и принялся за работу.

Изъ государственнаго музея ему прислали вчера цѣлую кипу превосходныхъ фотографическихъ снимковъ съ только что найденной рукописи. Ученый долженъ былъ ее разобрать, перевести и снабдить своими комментаріями. Эта работа очень пришлась ему по сердцу, и онъ принялся за не со всѣмъ тѣмъ стараніемъ, на которое только былъ способенъ. А старанія у него было много,—иначе онъ не получилъ-бы за свою жизнь двухъ или трехъ дюжинъ большихъ пергаментныхъ листовъ съ дипломами и благодарностями.

Онъ проработалъ до самаго обѣда, тщательно разбирая букву за буквой, слово за словомъ. За цѣлый день онъ прочелъ только одну страницу—но и этого было вполнѣ довольно.

Послѣ обѣда ученый пошелъ гулять, какъ онъ продѣлывалъ это, изо дня въ день, вотъ уже 40 лѣтъ. Каждый разъ онъ проходилъ одними и тѣми-же улицами, дѣлая одинаковое количество шаговъ, и теперь могъ-бы совершить свою прогулку, не рискуя заблудиться, даже съ закрытыми глазами.

Ученый вернулся-бы сегодня домой и закончилъ-бы свой день такъ-же спокойно, какъ и всегда, если-бы его мыслямъ не далъ неожиданный оборотъ маленькій и совсѣмъ обыкновенный случай.

На поворотѣ съ нимъ столкнулся скромно одѣтый, пожилой человѣкъ, который несъ на шеѣ большую, запорошенную снѣгомъ елку. Эта елка задѣла ученаго по лицу своими колючими иглами и скромно одѣтый человѣкъ извинился.

— Я очень торопился!—сказалъ онъ.—Я только сейчасъ получилъ свой заработокъ, а дѣти давно уже ждутъ свою рождественскую елку.

И онъ торопливо пошелъ, почти побѣжалъ, дальше по тротуару, задѣвая прохожихъ и постоянно извиняясь, а ученый, въ первый разъ въ жизни, едва не повернулъ не въ тотъ переулокъ.

— Елка! думалъ онъ.—Рождественская елка! Что эта такое?

И ему не сразу удалось вспомнить годы далекаго, далекаго дѣтства, когда онъ не имѣлъ еще писанныхъ на пергаментѣ дипломовъ, носилъ коротенькіе штанишки и весело кружился вокругъ горящаго огнями, разукрашеннаго дерева.

— О! я вспомнилъ!—проворчалъ ученый.—Простая дѣтская игрушка! Какія глупости...

Онъ успокоился и пришелъ домой всего лишь на одну минуту позже, чѣмъ слѣдовало.

Дома его ждало кофе. Ученый сидѣлъ въ удобной качалкѣ, прихлебывалъ маленькими глотками горячій напитокъ и просматривалъ полученные за этотъ день научные журналы и книги. Ему очень хотѣлось заняться еще часика два переводомъ новой рукописи, но это могло нарушить строго установленный порядокъ.

Одна изъ книгъ заинтересовала ученаго и онъ принялся за чтеніе.

Онъ пробѣжалъ глазами одну страницу, другую— и, не докончивъ третьей, съ удивленіемъ замѣтилъ, что его мысли очень далеки отъ древне-египетской грамматики, которая излагалась въ книгѣ. Онъ думалъ о рождественской елкѣ, и ему стало досадно, что такая ничтожная мысль отвлекаетъ его отъ серьезнаго занятія.

— Все это было такъ давно!—проворчалъ ученый, откладывая книгу и потирая рукой лобъ, чтобы привести въ порядокъ свой мыслительный аппаратъ— Елка, свѣчи, разныя бездѣлушки... Почему же все это такъ врѣзалось мнѣ въ память?

Онъ вспомнилъ, что сегодня начался уже восемьдесятъ первый годъ его жизни и нельзя сказать, чтобы это обстоятельство наполняло его душу восторгомъ.

— Пожалуй, я могу разсчитывать еще не больше, какъ года на два, на три... До сихъ поръ я чувствовалъ себя вполнѣ бодрымъ, но эта разсѣянность... Несомнѣнно, это доказываетъ, что мозгъ скоро отказжется мнѣ служить.

Ученый посмотрѣлъ на толстые томы своихъ филологическихъ трудовъ.

— Послѣ меня кое-что останется... Да, я не только созидалъ ихъ готовыхъ кирпичей, но не разъ мнѣ самому случалось мять глину. И теперь трудно найти залъ какого нибудь ученаго общества, гдѣ не висѣлъ-бы мой портретъ. Когда я умру, фоліанты и портреты останутся... Но и смерть также останется смертью.

Ученому стало грустно. Чтобы поскорѣе успокоиться, онъ собралъ съ рабочаго стола фотографическіе снимки новой рукописи и, усѣвшись опять въ качалку, въ сотый разъ началъ ихъ пересматривать. Изъ переведеннаго уже начала онъ узналъ, что это была подробная исторія жизни одного ассурскаго мудреца. И, такъ какъ древніе писатели не любили приберегать къ концу самую суть повѣствованія, а сообщали все, о чемъ намѣревались писать, въ первыхъ-же строкахъ, то ученый зналъ уже, что этотъ мудрецъ натворилъ много чудесъ, что онъ былъ самымъ важнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицомъ въ государствѣ и что когда онъ умеръ, то въ честь его были принесены въ жертву божеству ровно пять тысячъ военноплѣнныхъ.

Послѣднее обстоятельство не могло казаться особенно гуманнымъ съ современной точки зрѣнія, но несомнѣнно, что

древній писатель сообщилъ этотъ фактъ вовсе не съ цѣлью набросить тѣнь на своего героя.

„Онъ жилъ; былъ поставленъ, какъ мыслящій; онъ былъ почитаемъ мудрѣйшими; онъ умеръ“, говорила рукопись.

— Онъ умеръ!—повторилъ ученый и опустилъ голову.

Въ первый разъ онъ почувствовалъ себя одинокимъ въ большомъ и шумномъ мірѣ, и это чувство одиночества наполнило его душу страхомъ смерти.

— Я работалъ столько, сколько могъ, и я прожилъ много больше, чѣмъ живутъ другіе! — утѣшалъ самого себя ученый.—Теперь мнѣ остается только ожидать спокойно свой послѣдній часъ.

Недопитый кофе остылъ въ чашкѣ. Два или три снимка соскользнули съ колѣнъ старика и безшумно упали на коверъ. Ученый не замѣтилъ этого и разсѣянно смотрѣлъ прямо передъ собой, на широкую полку съ фоліантами.

Постепенно его мысли становились все болѣе отрывистыми и незаконченными. Онъ думалъ объ умершемъ мудрецѣ Ассура, и о томъ странномъ человѣкѣ, котораго встрѣтилъ сегодня на улицѣ, о древней клинообразной рукописи и о горящей блестящими огоньками рождественской елкѣ. Глаза его закрылись и сѣдая борода уперлась въ грудь. Онъ спалъ..

Великій мудрецъ Ассура стоялъ передъ ученымъ и смотрѣлъ на него своими большими, черными глазами. На мудрецѣ была надѣта бѣлая одежда, расшитая выпуклыми золотыми узорами. Круто завитые и напитанные пахучимъ масломъ волосы прижимались тяжелой тіарой. Длинная черная борода, постепенно суживающаяся книзу, тоже была завита правильными кольцами. Подъ верхней бѣлой одеждой была надѣта другая, красная, стянутая широкимъ золотымъ поясомъ.

Ученый всталъ и вѣжливо поклонился почетному гостю.

— Я радъ увидѣть теперь человѣка, который меня знаетъ!—въ знакъ привѣтствія скрестилъ руки на груди, сказалъ мудрецъ на своемъ странномъ, родномъ нарѣчіи.—Больше десяти вѣковъ прошло съ того дня, какъ я покинулъ землю.

— Скоро весь міръ узнаетъ о твоемъ существованіи и о твоихъ подвигахъ!—отвѣтилъ ученый, указывая на свои снимки. Онъ внезапно получилъ способность легко объясняться на давно забытомъ людьми языкѣ.

Мудрецъ взялъ въ руки одну изъ страницъ и началъ съ любопытствомъ ее разсматривать.

— Человѣчество добилось многаго за это тысячелѣтіе!—сказалъ онъ потомъ.—Я успѣлъ побывать сегодня во многихъ мѣстахъ, прежде чѣмъ попалъ къ тебѣ, и увидѣлъ много новаго. Я видѣлъ длинныхъ чудовищъ, которыя бѣгаютъ отъ города къ городу, нарыгая пламя и дымъ...

— Это желѣзнодорожные поѣзда!—объяснилъ ученый.—Въ нихъ люди путешествуютъ и перевозятъ свои товары.

— Потомъ я видѣлъ ослѣпительный свѣтъ, заключенный въ маленькіе фонарики...

— Это—электричество!—пояснилъ ученый.

— Электричество? Я не знаю, что это такое. Вообще, я видѣлъ столько чудесъ, что они совершенно затуманили мою голову. Я заходилъ также и въ дома, роскошные дома и совсѣмъ бѣдныя хижины, гдѣ живутъ теперь люди. Это было уже совсѣмъ недавно, когда заря погасала и сами собою зажглись маленькіе фонарики. Я видѣлъ многихъ глупыхъ и недостойныхъ людей, которые живутъ лучше, чѣмъ ты. Но я видѣлъ также многихъ умныхъ, трудящихся и честныхъ, которые умираютъ съ голоду. Въ этомъ отношеніи вы недалеко ушли. Такъ было и въ наше время.

— Такъ будетъ, вѣроятно, и всегда, хотя существуютъ наивные мечтатели, которые думаютъ сдѣлать счастливымъ и равноправнымъ все человѣчество!—сказалъ ученый.

— Можетъ быть. Но я видѣлъ еще сегодня одну вещь, которая заинтересовала меня своей загадочностью. Я видѣлъ ее почти вездѣ—и у богатыхъ, и у бѣдныхъ. Это было дерево, все унизанное маленькими огоньками.

— О!—Это глупости!—съ неудовольствіемъ сказалъ ученый.—Это всего только дѣтская забава, которая называется рождественской елкой.

Мудрецъ Ассура снисходительно посмотрѣлъ на ученаго..

— Ты знаешь многое, но не умѣешь читать въ мысляхъ!—отвѣтилъ онъ, оправляя на головѣ свою тіару.—Это дерево забавляло совсѣмъ не однихъ только дѣтей.

— Есть много глупцовъ на свѣтѣ!—пренебрежительно усмѣхнулся ученый.—Не скажешь-ли ты что елка—это самое разумное изъ всего, что ты сегодня видѣлъ?

— О, нѣтъ!—покачалъ головой мудрецъ.—Однако, не все разумное—прекрасно.

— Но вѣдь эта елка даже и не прекрасна!—вскричалъ ученый.—Это самое грубое безвкусіе, какое только можно представить!

— Это возможно!—улыбнувшись, сказалъ мудрецъ.—И все таки обычай такъ называемой рождественской елки показался мнѣ самымъ прекраснымъ изъ всего, что я видѣлъ сегодня. Я видѣлъ вокругъ елки и дѣтей, и взрослыхъ и я видѣлъ также, что добрые были веселы, а злые—печальны, когда смотрѣли на маленькіе, колеблющіеся огоньки. Скажи мнѣ, видѣлъ ли ты самъ когда нибудь это волшебное дерево?

— Да, конечно, видѣлъ. Это было, по крайней мѣрѣ, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ. Я былъ тогда ребенкомъ и елка, конечно, производила на меня извѣстное впечатлѣніе.

— А вспоминаешь-ли ты когда нибудь годы своего дѣтства?

— Своего дѣтства?—задумчиво повторялъ ученый.—Нѣтъ, я не вспоминаю ихъ. Это были печальные годы, годы тоски и униженій, потому что въ семьѣ меня не любили. Я росъ одиноко. Мнѣ нечего вспомнить. Конечно, когда дѣтямъ устраивали елку, я принималъ участіе въ общемъ весельи и нѣсколько минутъ чувствовалъ себя счастливымъ. Но вѣдь это было только обманъ!

— Пусть такъ. Но не обманъ-ли—и всякая другая минута счастья? Развѣ можно быть счастливымъ, не оттолкнувъ отъ себя злыхъ воспоминаній, не забывъ на мгновеніе о томъ горѣ и ужасѣ, которые наполняютъ вселенную? Пройдетъ мигъ счастья—и зло возвратится, такое же неумолимое и ужасное, какъ прежде. Такъ развѣ не обманъ и самое счастье?

Ученый задумался. Давно уже не думалъ онъ о томъ, что такое счастье, и слова ассуренскаго мудреца вырвали его изъ многолѣтней тишины рабочей комнаты. Онъ вспомнилъ, что на свѣтѣ есть много, очень много людей, не посвященныхъ въ тонкости филологіи и не знающихъ о самомъ существованіи клинообразныхъ надписей и всетаки эти люди живутъ, находятъ даже смыслъ въ своей жизни, и—жаждутъ счастья.

— Глупые, глупые люди!—пробормоталъ ученый.—Точное знаніе имъ чуждо. Они живутъ только обманомъ.

Мудрецъ положилъ руку на груду фоліантовъ и спросилъ:

— Что это такое?

— Это мои изслѣдованія о древнихъ мессопотамскихъ нарѣчіяхъ!—съ гордостью отвѣтилъ ученый.—Я могу сказать безъ всякаго самохвальства, что подвинулъ впередъ науку.

— Да, ты отдался своимъ таблицамъ и забылъ о людяхъ? Объ этомъ безсмысленномъ стадѣ, которое бѣжитъ за каждой блестящей приманкой? О людяхъ, которые столько разъ безжалостно уничтожали драгоцѣнныя реликвіи древности,—о людяхъ, которые оскверняли своими грязными руками храмы науки? Не говори мнѣ этого, мудрецъ! Я ихъ презираю и всю жизнь старался держаться отъ нихъ возможно дальше.

Ученый волновался и его старческія, сморщенныя губы дрожали отъ негодованія. И всетаки въ его голосѣ звучала фальшивая нота, потомучто онъ говорилъ не то, что думалъ. О, какъ онъ хотѣлъ-бы изгнать изъ своей головы эти безпокойныя мысли!

Онъ закрылъ лицо руками и, когда отнялъ ихъ, великаго мудреца Ассура уже не было.

Въ обширномъ рабочемъ кабинетѣ было пустынно и скучно.

Запыленные фоліанты молча хранили въ своихъ толстыхъ кожаныхъ коркахъ сокровища человѣческаго ума. Съ разсыпанныхъ по полу фотографическихъ снимковъ смотрѣли на ученаго правильные ряды безобразныхъ, угловатыхъ значковъ.

— Очевидно, я переутомился!—подумалъ ученый.—Нужно будетъ посвятить недѣли двѣ абсолютному отдыху.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Было всего только четверть девятаго, а ученый всегда ложился въ десять. И—небывалое дѣло—ученый не зналъ, на что употребить остающееся до сна время.

— Люди смотрятъ теперь на свои елки!—подумалъ онъ.—Ну, я проведу время лучше, если просто ничего не буду дѣлать.

Онъ выпилъ глотокъ совсѣмъ холоднаго кофе и, сидя въ качалкѣ, съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда старые часы на стѣнѣ ударятъ десять разъ.

Но время полало невыносимо медленно. Даже маятникъ покачивался, казалось, лѣнивѣе обыкновеннаго и съ каждымъ ударомъ назойливо отчеканивало.

— Ел-ка! Ел-ка!...

Въ воображеніи ученаго постепенно вставали всѣ подробности его дѣтства. Затѣмъ—годы ученья, усорнаго труда. Наконецъ—заслуженная слава. Всю свою жизнь онъ принесъ въ жертву наукѣ и она наградила его, черезъ своихъ представителей, кучей пергаментныхъ дипломовъ.

— Этого достаточно!—вслухъ сказалъ ученый, но какой-то невѣдомый голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Этого мало!

Да, наука дала много, но еще больше она взяла: всю, безъ изъятія, человѣческую жизнь. Онъ не извѣдалъ ничего, что радуетъ, волнуетъ и мучитъ другихъ людей.

Всегда онъ держался въ сторонѣ и теперь уже сама жизнь равнодушно обходила его. Онъ создалъ себѣ тюрьму съ невидимыми, но прочными рѣшетками, и онъ былъ человѣкомъ только въ тѣсныхъ предѣлахъ этой тюрьмы.

— Тебѣ скучно, дѣдушка?

Свѣжій, веселый и звонкій дѣтскій голосокъ задалъ этотъ вопросъ.

Ученый удивленно оглянулся и увидѣлъ маленькую дѣвочку, стоявшую на порогѣ его комнаты. Это не было привидѣніемъ, созданнымъ разстроеннымъ воображеніемъ ученаго, это была просто на просто дочь квартирной хозяйки.

Ученый хотѣлъ было разсердиться: въ его помѣщеніе строго воспрещалось входить кому-бы то ни было безъ надлежащаго разрѣшенія. Но дѣвочка смѣло и весело смотрѣла прямо ему въ лицо и его гнѣвъ пропалъ.

— Тебѣ скучно?—повторила свой вопросъ неожиданная гостья.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потомучто ты всегда одинъ и всегда съ гадкими большими книгами. У тебя есть учительница?

— Учительница?—удивился ученый.—Нѣтъ я учу себя самъ.

— Значитъ, ты умный. А у меня есть учительница, которая учитъ меня читать и, поэтому, я очень не люблю сидѣть за книгами. Она злая и у ней носъ, точно вишня... Пойдемъ ко мнѣ на елку, дѣдушка! У насъ очень весело и я тебѣ подарю коробку съ картинкой.

— Что-о? протянулъ ученый, быстро поднимаясь со своей качалки.—Кто тебя научилъ этому, нехорошая дѣвочка?

Гостья надулась и собралась плакать.

— Я ничего не хочу больше слышать о твоей елкѣ, понимаешь?—кричалъ ученый, выталкивая дѣвочку за дверь.—Вы всѣ хотите меня свести сегодня съ ума этими глупостями...

И онъ опять остался наединѣ со старыми часами, фоліантами и таблицами.

— Ел-ка! Ел-ка!—постукивали часы.

— Конечно, я не пойду!—бормоталъ профессоръ, машинально перебирая на столѣ листы какой-то рукописи.—Безъ двадцати минутъ девять... Еще часъ и двадцать минутъ, и тогда я могу уснуть.

Онъ нервно заходилъ по комнатѣ, натыкаясь на стулья и столы.

— Воспоминаніе... У меня нѣтъ хорошихъ воспоминаній. Этотъ скоморохъ изъ Ассора... онъ, конечно, былъ достаточно уменъ для своего времени, но теперь его разсужденія не выдерживаютъ никакой критики.

Онъ остановился посреди комнаты.

Веселый дѣтскій смѣхъ... Какъ давно онъ его не слышалъ! Хорошо-бы забыть все, все на свѣтѣ и смотрѣть на горящую елку глазами этихъ безпокойныхъ, но не знающихъ зла созданій.

Ученый подошелъ къ двери и взялся за ея ручку. Съ минуту онъ еще подумалъ, нерѣшительно подался назадъ, потомъ запахнулъ полы своего длиннаго рабочаго сюртука и, распахнувъ дверь, пошелъ по корридору.

— Вотъ и я пришелъ!—робко сказалъ онъ, появляясь на порогѣ большой, освѣщенной комнаты

— Дѣдушка ученый!—закричали дѣти. Они запѣпили его за сюртукъ и потащили къ елкѣ. Онъ ходилъ съ ними, взявшись за руки, вокругъ большого, разукрашеннаго дерева, и дребезжащимъ голосокъ подтягивалъ ихъ пѣнію. Потомъ онъ разсказалъ имъ сказку о волшебникѣ Ассура и получилъ въ награду, кромѣ обѣщанной коробочки, большую ватную обезьяну.

Когда онъ усталъ, дѣти оставили его въ покоѣ и старый ученый сидѣлъ передъ зажженой елкой, держа въ рукахъ полученные подарки. Отраженія маленькихъ свѣчей играли въ двухъ слезинкахъ, катившихся изъ его потухающихъ глазъ,—но онъ не былъ печаленъ.

Николай Степняк.

„Каждый по своему“.

„Сбылся дѣтство, какъ прекрасны мольберты“.
Надсонъ.

I.

У подъѣзда заскрипѣли полозья саней. Въ маленькой, темной передней рѣзко звякнулъ колокольчикъ. Громко стукнула дверь изъ кухни и горничная съ лампочкой въ рукѣ быстро прошла въ переднюю, сердито ворча что-то въ полголоса. Она только что принялась было гладить пышныя кружевныя сторы и, ставя горячій утюгъ на канфорку, недовольно бросила кухаркѣ Аксиньѣ, возившейся у плиты:

„Кого это не во время разносило“?! Въ праздникъ, въ будетъ—нѣчно шляются.

„А можетъ и наши“,—равнодушно отвѣтила сонная, толстая Аксинья.

Звонокъ задребезжалъ еще нетерпѣливѣе, пока горничная навѣшивала въ прихожей лампу на гвоздикъ и продолжала шептать;

„О, чтобъ васъ!...“

Вмѣстѣ съ волной холоднаго воздуха въ маленькую переднюю вошло, или вѣрнѣе—ввалилось цѣлое общество съ шумомъ и гамомъ.

„Какъ вы долго не отворяете Аннушка?!—говорила съ упрекомъ высокая, еще довольно молодая дама, освобождаясь изъ ротонды и передавая груду свертковъ горничной.

— „Аннушка! Развяжите мнѣ башлыкъ... у меня руки зашлись!—кричалъ небольшой гимназистикъ, притопывая и вертясь въ тѣсной передней.

„Не толкайся, Лева... Ты это нарочно на меня налетаешь,—протестовала маленькая дѣвочка въ бѣломъ капорѣ, изъ подъ котораго выбивались льняные кудряшки.

„Аннушка! стащите мнѣ галошу... она примерала къ ногѣ... Уфъ, какъ мы замерзли!. Готовъ ли чай?—старались перекричать другъ друга двѣ старшія дѣвочки въ бѣлыхъ шапочкахъ и платкахъ. Мать помогала имъ раздѣваться и, тихонько смѣясь, унимала ихъ:

„Пожалуйста не кричите такъ: вы оглушите меня и Аннушку...“

Радостное возбужденіе дѣтей не проходило. Имъ послѣ прогулки и покупокъ было такъ безотчетно весело: хотѣлось и кричать, и смѣяться, и толкаться...

„А гдѣ же папа? Развѣ онъ опять на вечернихъ занятіяхъ? Онъ обѣщалъ намъ сегодняшній вечеръ... онъ обѣщалъ съ нами клеить и золотить орѣхи... Что-же это мама?—торопили они мать, входя въ полуосвѣщенную залу и заглядывая въ пустой кабинетъ отца.

„Баринъ вернутся къ 8-ми,—сказала Аннушка.

Она тоже вошла въ залъ, прибавила огня въ большой висячей лампѣ, помѣшала дрова въ жарко-топящейся печкѣ и ушла готовить чай.

— „Ахъ, какъ славно погрѣемся у печки!.. Чаю, чаю, Аннушка! У насъ такъ много работы...—кричали ей вслѣдъ дѣти.

— Я тоже буду клеить,—заявила младшая, шестилѣтняя, голубоглазая Шура. Она грѣла свои озябшія, покрасневшія ручки у раскрытой печки, отворачивая въ тѣнь расраснѣвшееся на морозѣ личико.

„Шура, сгоришь!“

Толстые, березовые полѣнья пылали и трещали и алый отблескъ пламени ложился нѣжными тонами на бѣленькую фигурку съ золотыми кудрями.

— Ну, Шура, ты еще не умѣешь, ты маленькая,—запротестовала 13-ая Лиза, высокая, тоненькая дѣвочка, успѣвшая уже занять мѣсто со стуломъ въ освѣщенномъ кругу около печки. Рядомъ съ ней присѣла и мать.

Шура повернула къ нимъ свое пылающее личико.

— „Нѣтъ-буду, нѣтъ-буду,—упрямо твердила она. Я умѣю... И папа, всеравно, позволитъ...

— „Ты будешь портить, Шурка; ты лучше смотри, а мы тебѣ склеимъ,—попытался уговаривать сестру гимназистикъ, тоже тѣснившійся около матери.

— Я не хочу смотрѣть... Я хочу клеить, уже плаксиво говорила Шура. Я папѣ скажу..

„Конечно, Шура будетъ клеить... Пусть она клеитъ цѣпи... Всѣмъ дѣла найдется: Лиза будетъ дѣлать цвѣты, Лева золотить орѣхи...

— „А я оклею звѣзду на верхушку елки... Или ты ее купила, мама?—спрашивала 11-лѣтняя Катя, выглядывая изъ-за стула матери.—Что ты купила? Мы бы только однимъ глазкомъ взглянули!—присталъ къ ней и Лева.

— Увидите потомъ... А то не интересно будетъ...

— „Право интересно... Я еще больше люблю приготовленія къ елкѣ, чѣмъ самую елку,—сказалъ Лева.—И еще люблю потомъ раздаривать свои игрушки и конфекты бѣднымъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Ты бы видѣла, мама, какъ радовались прошлый годъ дѣти водовоза, когда я отдалъ имъ свои игрушки и гостинцы.. Они попросили у меня самую большую вѣтку отъ нашей елки... Я отдалъ имъ огарочки отъ свѣчекъ и устроили себѣ елку... И какъ радовались: точно это была настоящая елка,—разсказывалъ оживленно Лева.

Мать улыбнулась и погладила его по стриженной головѣ.

— А я просто измучилась ожиданіемъ, сказала Катя, взбираясь на спинку стула матери и сестры.—Такъ долго ждать... Я считала дни и часы... и не могу дождаться. Вечеромъ, лягу въ постель и не могу заснуть, все представляла, какъ въ нашемъ залѣ зажгутъ елку, будетъ музыка... Большой, большой кругъ дѣтей, точно гирлянда цвѣтовъ. Свѣчки горятъ, звѣздочки, шарики, и орѣхи блестятъ,—а я загадываю, что достанется мнѣ,—щебетала подъ самое ухо матери черноглазая Катя

— А я представляла себѣ, какъ одѣну мое бѣлое новое платье и буду танцевать съ кузенами и съ большими—сказала мечтательно хорошенькая Лиза, слѣдя за снопами искръ отъ рухнувшихъ полѣньевъ.—Я люблю бальную музыку... и буду много, много танцевать.

— И будешь стрѣлять глазками въ Петрова, который такъ ухаживаетъ за тобой,—поддразнилъ ее Лева, поглаживая руку матери.

Лиза сверкнула карими глазками на Леву и кинула негодующій взглядъ изъ подъ пушистыхъ рѣсницъ на расхохотавшуюся Катю.

—„И вовсе неумно, Лева!—кипятилась Лиза,—много ты понимаешь... Знаешь только своихъ щегловъ, да драки съ мальчишками...

Ссора, впрочемъ, не успѣла разгорѣться. Въ сосѣдней комнатѣ послышался звонъ отъ расставляемой посуды; громко бурлилъ самоваръ и Аннушка сказала изъ-за двери:

— Чай готовъ, пожалуйте!

Дѣти гурьбой побѣжали въ столовую. Въ передней опять звякнулъ колокольчикъ.

„Это-папа!—закричала громче всѣхъ Шура и она повернула въ прихожую—Папа, папа!—повернули за ней „Лева и Катя, хлопая въ ладоши:“ Сейчасъ будемъ орѣхи золотить, коробочки клеить... Дождались папу“

„Ребятишки—маршъ назадъ!—весело говорилъ голосъ изъ передней.—Назадъ—шельмецы! здѣсь холодъ... Ты куда идешь, Шурка? иди чай пить, а потомъ живо за работу! И, вытирая платкомъ заиндѣвѣвшіе усы и бороду, „папа“ окруженный ребятишками, прошелъ въ столовую.

II.

„Такъ безсознательно пролетятъ мои лучшіе дни
„И потомъ не вернутся они“.
Надсонъ.

Лампа подъ бѣлымъ фарфоровымъ абажуромъ льетъ мягкій свѣтъ на склоненную темную головку очень молоденькой дѣвушки. Дѣвушка сидитъ на маленькомъ диванчикѣ у круглаго стола, занимающаго одинъ край комнаты и, кажется, уже въ третій разъ перечитываетъ письмо. Возлѣ конверта на столѣ лежитъ фотографическая карточка молоденькаго студента. Съ карточки улыбается красивое юношеское лицо и задорно смотрятъ большіе темные глаза. Дѣвушка читаетъ, подперевъ щеку маленькой ручкой.—Вотъ она кончила и нервно откинулась на спинку дивана. Она задумчиво смотритъ въ неосвѣщенную половину комнаты; воображеніе унесло ее куда то далеко отъ этой—хорошенькой уютной, комнаты съ кисейными занавѣсками, съ купой фикусовъ у оконъ, съ краснымъ туалетомъ и бѣлой узенькой кроватки,—выглядывавшей—изъ-за японской-ширмы.

Не замѣчала она и нарядного платья, раскинутаго красивыми складками на креслѣ-качалкѣ. А вчера еще она такъ ждала этого платья, такъ восхищалась имъ у портнихи, когда та, примѣривая, подвела ее къ большому зеркалу, отразившему всю ея тонкую, стройную фигурку. Сегодня она не замѣчала этого платья, принесеннаго во время ея отсутствія. Ея большіе темные глаза пристально смотрѣли въ темный уголъ комнаты; письмо лежало на ея колѣняхъ, а тонкіе пальчики нервно теребили бахромку скатерти.

Въ дверь уже два раза нерѣшительно стучались и оба раза она нетерпѣливо отвѣчала:

„Пожалуста, не мѣшайте, я—занята!“

„Но, Лиза, ты не пила чай“—говорила мать изъ-за двери.

—Ахъ, мама, я не хочу! Я пила сейчасъ у Елизаветы Константиновны“.

Да, съ этого случайнаго визита къ Елизаветѣ Константиновнѣ и началась ея мука... Было брошено ей съ улыбкой:

„Знаете, Лиза, кого встрѣтилъ мой мужъ въ N-скѣ! Вашего прошлогодняго поклонника Литвинова. И знаете—съ кѣмъ? Онъ ѣхалъ съ женой!. А вѣдь онъ не на шутку ухаживалъ за вами и на него заглядывались всѣ наши барышни... Хитрецъ ниразу не проговорился, что онъ женатъ“.

Лиза помнитъ, какъ мертвящая струя холода прошла по ея сердцу, и смертельная блѣдность покрыла ея лицо, что, конечно, не укрылось отъ зорькихъ глазъ Елизаветы Константиновны. Неимовѣрныхъ усилій стоило ей не выдать своего волненія и, сославшись на головную боль и усталость отъ ѣзды по магазинамъ, поскорѣй распрощаться съ словоохотливой хозяйкой.

Вотъ она уже два часа, какъ дома, гдѣ нашла письмо отъ далекаго брата... Два часа переживаетъ она мысленно свой маленькій романъ, прерванный на первой главѣ, но продолженія котораго она все ждала... Смутно, неясно, но ждала..

Любила ли она его—Литвинова? Она и сама не можетъ отвѣтить утвердительно, но онъ ее интересовалъ... онъ былъ такъ непохожъ на другихъ ея поклонниковъ—этихъ милыхъ гимназистиковъ (она и сама тогда была гимназисткой) и студентовъ, на которыхъ она привыкла смотрѣть, какъ на товарищей. Все это и были, на самомъ дѣлѣ, товарищи ея братьевъ, близкіе и ей. Съ ними было такъ хорошо и спокойно, хорошо потанцевать, попѣть, поспорить о марксизмѣ и нигилизмѣ, о Толстомъ и о народничествѣ; иногда и.. пококетничать, чтобы испробовать силу чаръ, чаръ шестнадцатилѣтней гимназистки.. И вотъ явился онъ, Литвиновъ, вкрадчивый и элегантный, съ загадочными взорами, съ недосказанными восхищеніями передъ ея распвѣтающей красотой и граціей. Началось, это тоже на Рождествѣ съ балу у Елизаветы Константиновны. Что то заманчивое и головокружительное подхватило ее и понесло... куда? Она не знала и не хотѣла знать. Ее предпочли всѣмъ „большимъ“ красавицамъ сезона, ее „маленькую провинціалочку,“ „лѣсную фіалку“, „птичку“ „которая слишкомъ умна и серьезна для моднаго цвѣта“.. Какъ было не закружиться головѣ?... И она веселилась, какъ никогда это прошлое Рождество. Братъ былъ дома, веселый, жизнерадостный Сашка. Онъ все подразнивалъ ее:

„Лилька! Но завертясь! Вѣдь ты на курсы собиралась!“

И все кончилось: онъ уѣхалъ, не обѣщаясь вернуться, но и не прощаясь навсегда. Опять осталось что то недосказанное, но и дающее надежду. Лиза загрустила: споры о марксизмѣ уже не развлекали ее, пѣніе „Allons enfants“ не заставляло биться восторженно ея сердце. Хотѣлось плакать и мечтать... А въ дни отрезвленія и раздумья шептать, какъ Лиза въ „Братьяхъ Карамазовыхъ:“ „подлая я, подлая! Вздыхаю о какомъ-то свѣтскомъ франтѣ, забросила свои книги, планы, свой милый кружокъ“.—Катастрофа съ братомъ и его товарищами заставила встряхнуться Лизу: стыдно было пыть о своемъ личномъ горѣ, когда ея милаго, любящаго, отзывчиваго Сашку увезли въ снѣга: въ ледяную пустыню..

И „маленькій романъ Лизы показался ей смѣшнымъ и жалкимъ.. Но сегодняшняя обида опять разбередила старую рану. Какъ? Надъ „лѣсной фіалкой“ можетъ быть смѣялись?! Ее считали глупенькой провинціалочкой, съ которой мимоходомъ повграли отъ скуки, пока свѣтская супруга проживала въ какомъ нибудь модномъ курортѣ, а командировка въ провинцію такая скучная вещь.. Лизина гордость не могла перенести этотъ ударъ, оказавшійся, для нея болѣе чувствительнымъ, чѣмъ прошлогодній отъѣздъ Литвинова.. И какъ нарочно передъ праздникомъ, который она хотѣла провести весело, на зло кому то-весело, слезы дрожжали въ темныхъ глазахъ дѣвушки. Но какъ ни была она взволнована, она чувствовала, что любовь, державшая въ оковахъ ея сердечко, сегодня умерла, похоронена безъ возврата въ тотъ мигъ, когда Лиза поняла, какъ недостойно игралъ ея чувствами Литвиновъ.. Лизѣ только стыдно.. стыдно, но и къ лучшему: больной зубъ вырванъ сразу. Правда теперь уже не будетъ мѣсто мечтамъ, грезамъ... Но вѣдь что были мечты и грезы—эгоистки...

Она опять возьметъ себя въ руки, будетъ читать и учиться вмѣстѣ съ своимъ милымъ кружкомъ—такимъ близкимъ ей по духу.. Чтобы сказалъ Сашка, еслибъ увидалъ ее сейчасъ плачущей.. О чемъ?!

Лиза смахнула платкомъ слезы съ рѣсницъ и взяла въ руки карточку со стола. Вотъ онъ—молодецъ: гдѣ то около полярнаго круга, гдѣ всѣ сковано льдами, гдѣ воетъ сѣверный вѣтеръ между голыми утесами и носятся снѣжные бураны, тамъ Саша собирается проводить Рождество „въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ со льдинками вмѣсто оконъ. „Онъ пишетъ: „Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, Лизанька, будетъ конецъ и моему здѣсь пребыванію.. Еще поживемъ!„

Да, поживемъ! Милый, Сашка милый Лиза уже улыбается сквозь слезы, томные глаза загораются и нѣжный румянецъ появляется на блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ.

Въ дверь опять стучались, на этотъ разъ уже неробко и нетерпѣливо. Слышался сдержанной смѣхъ, разговоръ.

— „Лиза! отворяй! Елизавета Николаевна, можно къ вамъ!“..

Лиза отперла дверь и осталась посреди комнаты.

Маленькая, юркая, голубоглазая дѣвушка громко чмокнула ее въ горячую щечку, на ходу сбрасывая какія-то книги на руки высокому, худому студенту съ тонкимъ выразительнымъ лицомъ. Онъ горячо пожалъ маленькую ручку Лизы и пытливо и взволнованно старался разсмотрѣть лицо ея въ тѣни комнаты.

— Лиза! Что это? Говорятъ, ты заперлась и никого не пускаешь?.. Ты забыла, что сегодня у насъ считка ролей къ спектаклю? Мама твоя такъ встревожена... Но я сказала, что растормошу тебя.. Опять нервы? Опять киснень?—щебетала маленькая дѣвушка, отводя подругу за ширмочку.

— „Она кисненъ?! У ней нервы?! имѣя такое обворожительное, такое чудесное платье!“—восклицала другая дѣвушка, всплескивая руками при видѣ платья на креслѣ-качалкѣ. Она, не здороваясь съ хозяйкой, уже тащила его къ лампѣ и примѣривала и повертывала.

— Платье, дѣйствительно, сверхъ-естественное, но ты его сомнешь, Надя,—предупредилъ ее студентъ.

Онъ складывалъ свою кипу книгъ на столъ и увидалъ карточку.

„Ба! Сашка! Вотъ такъ сюрпризъ къ празднику...—вскричалъ онъ радостно.

Обѣ дѣвушки—и та, что разсматривала платье, и та, что была около Лизы, бросились къ столу.

„Гдѣ Саша? Покажите, Борисъ!—просили онѣ.

„А вотъ и не покажу!“—и онъ спряталъ карточку за спину.

— Надя, что же дѣлаетъ твой братъ? Отними у него,—просила бѣленькая дѣвушка подругу.

Надя кинулась къ брату. Началась возня и хохотъ. Улыбалась и Лиза блѣдной улыбкѣ:

„Пожалуста не сломайте Сашку“...

Студентъ, отбиваясь одной рукой отъ сестры, передалъ другой карточку Лизѣ.

Въ дверяхъ стояла мать Лизы, тоже улыбаясь, и говорила: Ну вотъ и слава Богу, что пришли.. растормошили Лизу... Боюсь я этихъ ея настроеній... Всѣмъ бы праздникъ не въ праздникъ былъ. И безъ того у насъ Рождество не прошлогоднее будетъ: нѣтъ Сани, нѣтъ Владиміра, нѣтъ многихъ...

— Отпрашемъ за всѣмъ. Екатерина Ивановна! —весело кричала ей бѣленькая дѣвушка,—подбирая разсыпавшіеся шпильки.

III.

„Я дышала жизнь, наслаждалась и умерла“—прочитала одна изъ дѣвушекъ.

Въ замерзшія стекла кухонныхъ оконъ чуть брезжитъ угасающій короткій зимній день. Тускло горитъ стѣнная лампочка отъ жару и чаду кухни. Потная, раскрасѣвшаяся кухарка Матрена только что вытащила изъ печи на шестокъ „зарумянившагося“ поросенка, и тыкая въ него вилкой, патетически восклицаетъ:

«Вѣдь говорила вамъ, барыня, что худой поросенокъ, не жирный,.. вишь какъ кожа сморщилась... И весь то онъ сзоно дѣдушка скуержился...“

Старая, высокая, сѣдая барыня, въ темномъ кашемировомъ платьѣ, съ слѣдами былой красоты на блѣдномъ, увядшемъ лицѣ, стояла тутъ-же въ виноватой позѣ около шестка. Изъ-за плеча ея выглядывала любопытная рожица черноглазой дѣвочки-гимназистки.

При послѣднемъ словѣ Матрены дѣвочка расхохоталась.

„Слышишь, мама, какой глаголъ... „скуержился“... Матрена сердито набросилась на нее:

„Тебѣ бы только смѣхи, да хахоньки... Я въ семназіи не училась, вотъ и глаголю, какъ умѣю.. Тутъ вотъ какая оказія вышла: плакали рупь семь гривенъ, а ты хохочешь Леля“..

Она съ презрѣніемъ перевернула злополучнаго поросенка на другой бокъ, отъ чего на горячемъ противнѣ послышалось шипѣнье масла и полетѣли брызги во всѣ стороны.

Барыня опасливо отсторонилась и сказала примирительно:

„Бѣды не поправишь, Матрена... Дѣло сдѣлано... Да сойдетъ и такъ..

Но Матрена была эстетка и рѣшительно не мирилась съ поросенкомъ, который „не имѣлъ вида“.

„Вамъ ладно эдакъ говорить, не вы жарили, а мнѣ тоже, чай, обидно, коли выйдетъ хуже, чѣмъ у людей... Вотъ поглядите еще гусь. Подождите уходить,—сказала она, замѣтивши желаніе барыни ускользнуть изъ кухни.

— Вѣдь вы ужъ говорили мнѣ, что—хорошо... Мнѣ некогда...

„Нѣтъ, ви посмотрите... Что же такъ то. Удивляюсь я даже на васъ, барыня: вѣдь ваше добро.

Матрена переставила противень и пошлѣдала за гусемъ.

— „Ну, что, Матрена, гусь не скуержился?—приставала къ ней Леля.

Матрена только сверкнула на нее глазами, не удостоивъ отвѣтомъ.

Гусь былъ осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ и барыня получила право уйдти изъ кухни. И была пора: уже кричали изъ комнатъ: «Мама! Екатерина Ивановна! Гдѣ новыя туфли? Мама! Иди же, помоги мнѣ причесаться!..

Горничная Лиза чуть не сшибла съ ногъ Екатерину Ивановну въ темномъ корридорчикѣ, отдѣлявшемъ кухню отъ столовой. Она, за суетой, забыла зажечь здѣсь лампу.

„Вотъ вы гдѣ... Баринъ съ обѣдомъ торопитъ. Барышня, васъ давно кличутъ,—сказала она вмѣсто извиненія“. И мнѣ выдайте столовое бѣлье съ вечера,—вспомнила еще Лиза.

Наконецъ, къ 8-ми часамъ домъ угомонился.

Екатерина Ивановна торопливо дошивала дѣтское платьице, нагнувшись тонкимъ чуднымъ станомъ совсѣмъ близко къ лампѣ, придвинутой на край стола. Глаза уже плохо служили ей, а очнов она не любила, какъ не любила и работать на машинкѣ: стукъ машины такъ дѣйствовалъ на нервы! То ли дѣ

ручная работа „по старинкѣ", при которой такъ славно думается.

Сегодня Екатерина Ивановна съ особеннымъ удовольствіемъ предается своему любимому занятію въ уединеніи своей „келейки", обставленной съ пуританской простотой. Тихо кругомъ; такъ тихо, что слышно, какъ тикаютъ часы въ сосѣдней комнатѣ, какъ хруститъ снѣгъ отъ полозьевъ подъ окнами, какъ поскрипываетъ гдѣ-то плохо притворенная ставня. Порой только доносятся издали неясный говоръ и хлопаютъ двери: то кончаютъ на кухнѣ предпраздничную уборку. Комнаты пусты и темны: всѣ домашніе уѣхали на елку къ знакомымъ и Екатерина Ивановна отдыхаетъ отъ дневной суетолки... Рой воспоминаній проносится въ ея головѣ, всплываютъ милыя, дорогія лица, которыхъ она уже никогда не увидитъ на яву... Роятся думы, запуганныя мелочами дня...

Чѣмъ старше становилась Екатерина Ивановна, тѣмъ больше встрѣчалось этихъ мелочей на ея пути... Росла семья, росли заботы и обязанности, которыя какъ щупальцы огромнаго спрута, высосали изъ нея всю жизнь, всю духовную, идеальную сторону ея жизни. Падали силы физическія, оставался голодъ душевный и тягостнѣй и тягостнѣй, годъ отъ году, особенно съ утратой молодости и способности веселиться,—становилась для нея эта праздничная и предпраздничная сутолка. Въ эти святые дни теперь все менѣе и менѣе вносилось что-то возвышенное, одухотворенное: была именно „суета суетъ": предъ праздниками—покупка, ѣзда по магазинамъ, приготовленія; на праздникахъ—визиты, елки, танцы, театры... Сытое веселье... и меньше всего думъ о цѣли, о сути праздника: онъ проходилъ въ какомъ-то угарѣ. Люди даже не отдыхали, и уставали еще больше, чѣмъ отъ труда въ будни... Не было и въ поминѣ того *настроенія*, которое переживалось ранѣе въ праздники. Екатерина Ивановна вспомнила сочельникъ своего дѣтства .. благоговѣйное ожиданіе первой звѣзды, когда имъ—дѣтямъ только разрѣшалось ѣсть... И всѣ терпѣливо ждали, даже маленькіе... Никто не просилъ ѣсть, никто не хотѣлъ просить въ ожиданіи торжественной минуты появленія на темномъ далекомъ небѣ первой яркой, дрожащей звѣздочки... Она зажглась... Священный мигъ рожденія Младенца-Христа, принесшаго на землю миръ, любовь, спасеніе... Дѣтскіе глазки искали ангеловъ въ далекой синевѣ неба... Казалось: вотъ-вотъ явятся они бѣлые и лучезарные и весь миръ запоетъ съ ними: осанна!.. Въ этотъ вечеръ затихали дѣтскія ссоры и сердце было открыто для всѣхъ... Нынѣшнія дѣти—избалованныя, изнервничавшіяся, жадныя на удовольствія, со способностью анализировать уже не переживаютъ этихъ чудныхъ, поэтическихъ минутъ, дающихъ [illegible]елъ праздникъ...

[illegible]ды труда, лишеній, утратъ не могли [illegible]ить этихъ впечатлѣній дѣтства изъ [illegible]Екатерины Ивановны и всякій предс[illegible]къ, принужденная хлопотать о [illegible] мелочей, къ которымъ свелись [illegible]ніе святые дни, она съ отчаяніемъ [illegible]ла: нѣтъ,—это—не то! Не то! [illegible]ость Екатерины Ивановны протекла [illegible] ту счастливую пору русской дѣйствительности (въ 70-е годы), когда, если и не было мѣста мистическимъ порывамъ и настроеніямъ, то все же чисто духовныя и идеальныя блага цѣнились превыше всего и матеріально-чувственныя потребности клеймились, какъ смертный грѣхъ. Небо должно было свестись на землю и „Царствіе Божіе должно было быть внутри насъ". Екатерина Ивановна пережила эту полосу вмѣстѣ съ молодежью, чуткой къ вопросамъ совѣсти, долга, служенія ближнему. Это было счастливое поколѣніе: чувство, теоріи и дѣла его не шли въ разрѣзъ другъ съ другомъ. И для общественной и для личной жизни были ясныя формулы, не было неустойчивости, безволія, шатанія современнаго интеллигента съ его сложностью и противоположностью душевныхъ настроеній.

Юность прошла, суровая дѣйствительность властно наложила свою руку на бѣдныхъ идеалистовъ. Одни изъ нихъ погибли, другихъ захлестнула мутная житейская волна, третьихъ... Къ нимъ причисляетъ себя Екатерина Ивановна; она носитъ въ душѣ идеалы юности, а житейская муть то и дѣло настигаетъ ее, толкаетъ *не на тѣ* пути, по которымъ она хотѣла бы идти сама и вести своихъ дѣтей... Жизнь уходитъ, а прожита она *не такъ*... какъ думалось... Даже ея личная жизнь... Тысячи нитей, узъ спутываютъ ея волю... И нѣтъ силъ направить ее по другому руслу... И порвать эту жизнь она считаетъ не вправѣ: если она была плевелами на Божьей нивѣ, она все же стремилась всю жизнь быть пшеницей: но и плевелы, очевидно, нужны до тѣхъ поръ, пока настанетъ время жатвы... И ей ли слабой, ничтожной песчинкѣ въ кругу мірозданія доискиваться до конечной цѣли развитія человѣчества, до цѣли ея личнаго существованія? Она—живетъ, слѣдовательно, ея жизнь нужна для чего то, кому то... Людямъ, дѣтямъ, которые, не мудрствуя лукаво, хотятъ жить, хотятъ веселиться на праздникахъ; имъ нравится та самая сутолока, которая утомляетъ ее, заставляетъ съ отчаяніемъ твердить: *не то, не такъ*! Она пожившая, разбитая, съ умершимъ сердцемъ, не имѣетъ права, не имѣетъ возможности заставять ихъ жить и чувствовать по своему... Всему свое время... И это сознаніе примиряетъ ея съ жизнью, даетъ выполнять „мелочи жизни".

Шитье Екатерины Ивановны давно уже лежитъ на ея колѣняхъ и она сидитъ, глубоко задумавшись и низко склонивъ свою сѣдѣющую голову.

Л. С.

Хроника.

Сегодня 25 декабря въ общественное собраніе приглашаются г. начальникомъ губерніи для взаимныхъ поздравленій всѣ лица, желающія праздничные визиты замѣнить пожертвованіями въ пользу дѣтскихъ пріютовъ.

Архіерейскія богослуженія.

25-го декабря, въ день Рождества Христова, всенощная въ домовой архіерейской церкви (5 ч. в.), литургія въ Троицкомъ каѳедральномъ соборѣ (9 ч. у.).

26-го декабря, во 2-й день праздника, литургія въ домовой архіерейской церкви (9 ч. у.)

29-го декабря, въ воскресенье, литургія въ домовой архіерейской церкви (9 ч. у.)

Января 1 д., въ Новый годъ, всенощная (5 ч. в.) и благодарственный молебенъ (въ 12 ч. ночи) въ домовой архіерейской церкви, литургія съ обычнымъ молебствіемъ въ Троицкомъ каѳедральномъ соборѣ (9 ч. у.)

5-го января, въ воскресенье, литургія (9 ч. у.) и вечерня съ водоосвященіемъ (2 ч. дня) въ домовой архіерейской церкви.

6-го января, въ день Богоявленія, всенощная въ домовой архіерейской церкви, литургія съ обычнымъ крестнымъ ходомъ въ Богоявленской церкви (9ч. у.)

Праздничныя развлеченія:

25-го декабря.

Елка. Въ залѣ безплатной библіотеки—для учениковъ и учениць городскихъ школъ.

Въ школѣ о—ва приютъ для дѣтей школьниковъ о—ва и ихъ родственниковъ.

Въ театрѣ Королева «дѣтскій праздникъ» съ безплатными подарками; платный входъ для всѣхъ дѣтей. Всѣ елки вечеромъ съ 8 час.

26-го декабря.

Въ залѣ безплатной библіотеки—днемъ елка для школьниковъ, учащихся въ школахъ о—ва попечительнаго о нач. образованіи, вечеромъ спектакль драматическаго о—ва.

Въ общественномъ собраніи елка для дѣтей членовъ собранія.

Въ коммерческомъ собраніи—елка для дѣтей съ платнымъ входомъ. Начало въ 6 час. веч.

Въ театрѣ Королева—утренній спектакль —идетъ «Потонувшій колоколъ» сказка-драма Гауптмана; начало въ 1 часъ дня; вечерній спектакль—идетъ «Суворовъ въ деревнѣ, въ Милане и въ обществѣ хорошенькихъ женщинъ», ком. въ 3 д. Куликова; начало въ 8 час. веч.

27-го декабря.

Въ залѣ безплатной библіотеки днемъ елка для учениковъ и учениць городскихъ школъ; вечеромъ спектакль комиссіи народныхъ развлеченій, идетъ «Во дворѣ—во флигелѣ».

Въ общественномъ собраніи—концертъ и танцевальный вечеръ о—ва Краснаго Креста.

Въ коммерческомъ собраніи—танцевальный вечеръ.

Въ театрѣ Королева—утренній спектакль, идутъ «Петербургскія трущобы» драм. сцены въ 5 д. Арбенина. Вечерній спектакль, идетъ «Сонъ Жизни» въ 4 д. Тинковскаго и по окончаніи «маскарадъ».

28-го декабря.

Въ залѣ безплатной библіотеки—елка для учениковъ и учениць городскихъ школъ.

Въ общественномъ собраніи—танцевальный вечеръ о—ва вспомоществованія учениковъ мужской гимназіи.

Въ коммерческомъ собраніи—концертъ о—ва мужского пѣнія.

Въ театрѣ Королева—спектакль, идетъ «Мученица» драма въ 5 д. Рышпена, начало въ 8 час. веч.

Редакторъ издатель П. Макушинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВИНОГРАДЪ 20 К. Ф.

ВИНОГРАДЪ 20 коп. ф.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

РАСПРОДАЖА

НА ВСѢ ТОВАРЫ, КАКЪ-ТО:

чай разныхъ фирмъ, парфюмерія: духи, мыло, одеколонъ разныхъ фирмъ, сигары, гильзы, табакъ, гастрономія: томатъ, сыръ, сельдей, консервы, компоты, конфеты, карамели, шоколадъ, кофе, какао пастила, рясъ, горошекъ сладкій, готовый кофе „Алексѣя Малокѣркова", маринованная вишня, варенье разныхъ сортовъ, сгущенное желе, зелень пресованная, уксусная эссенція, масло прованское, фрукты: виноградъ, груши, дыни, яблоки разныхъ сортовъ, лимоны, апельсины, тирольскія каштаны, гранаты.

Въ магазинѣ СИРАЗИТДИНОВА.

ВИНОГРАДЪ 20 коп. ф.

ВИНОГРАДЪ 20 К. Ф.

ПІАНИНО

салонное послучаю продается, узнать. Миллионная ул. д. № 30, кв. № 1, Рихтеръ.

Отдается КВАРТИРА

за 50 руб. въ 6 комнатъ, 7-я кухня. Ул. Преображенск. уг. и Печенскаго пер., д. № 17.

Желаю отдать

въ дѣти или на воспитаніе 6 мѣсяч. ребенка дѣвочку, Петровская ул. д. Цыганкова № 15.

Ф. І. Граверъ и В. Л. Лежанка принимаютъ работу на пишущей машинѣ „Remington" отъ 10 до 4 на Сенной ул. д. Ямно, прот. церкви и всегда Б. Подгор. д. № 73.

ВСЛѢДСТВІЕ ПРЕКРАЩЕНІЯ

ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ ПЕРЕВАЛОВА

ВЪ ТОМСКѢ

распродается вся обстановка: шкафъ съ 2 прилавками, двѣ конторки, шкафъ для бумагъ, два столика мрамор., балансиръ съ гирями, часы ямщик., люстра и пр. Магазинъ отдается въ коротокъ. Условія узнать у довѣренаго И. Е. Потапова.

Только подлинное съ этой фабричной маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ"

Медо-травяной-мальцъ-экстрактъ и конфекты.

Л. Г. ЛИТШЪ и К°

ВЪ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданіи горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считается особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у с. петерб. ТЕХНО-ХИМИЧ. лабораторіи, Лиговская, 123.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ маг. и аптекахъ Россіи.

ЛЕЧЕБНИЦА

для физическихъ методовъ леченія

врача ИВАНОВА,

Якевой пер., соб. д. № 18. Телефонъ № 385.

(Электричество, массажъ, свѣтъ, гидроэлектрическія ванны и душ. Рентгеноскопія).

ЛЕЧЕНІЕ:

нервныхъ, женскихъ, внутреннихъ и кожныхъ болѣзней.

пріемъ больныхъ отъ 9—12 утра и отъ 5—8 в.

Открыта новая фотографія.

Мариинская, 38, (уг. Нечаевской).

Кабинетныя 12 шт. 5 р.

Визитныя „ „ 2 р. 50 к.

ФОТОГРАФІЯ

ЯНКЕВИЧЪ.

Больш. Кирпичн. ул., д. Степановыхъ, № 10

Кабинетн. дюж. 5 р.

Визитн. дюж. 2 р. 50 к.

Даю УРОКИ ТАНЦЕВЪ

ДѢТЯМЪ и ВЗРОСЛЫМЪ въ семейныхъ домахъ и у себя на квартирѣ ежедневно съ 12 ч. дня до 9 ч. веч. Студентъ Ермолевъ. Адр.: Магистратская ул., № 46-в. домъ Лебедевой

ЛАВКИ

отдаются въ аренду бакалейная и мясная. Тутъ же продается домъ и корова. Уголъ Тверской и Мукинской д. Надинова. 1

По случаю отъѣзда

передается квартира 6 комн., тепл. клозетъ, водопроводъ, ванная, газъ-керосинъ со всѣми удобствами. Верхн. Елань Преображ. ул. № 8, Митрофановой.

КОМНАТЫ

двѣ приличныя, теплыя сдаются. Бульварная д. № 4, Кузнецовой, внизу.

Спѣшно продается

игрушечно-галантерейная торговля, вести можетъ и дама. Миллионная, Сибирское подгорье.

Торговое помѣщеніе

сдается въ аренду. Набережная Ушайки № 20.

Лучшіе ТОПОРЫ и ДОЛОТА,

только мастера И. Ларіонова-всѣхъ размѣровъ и фасоновъ, предлагаетъ А. М. Гратенъ, Духовск., 43.

Тво А. Раллеи К° Москва.

ДУХИ

CHRYSANTHÈME

(ЗЛАТОЦВѢТЪ)

Спѣшно продаются:

буфетъ въ 600 р. и доходъ въ 700 руб., нѣсколько доходныхъ домовъ въ разныхъ частяхъ города, тутъ же продаются нижнія двѣ комода, два гардероба, ручная швейная машина съ колпакомъ, ковры бархатныя, московскія вѣнцовыя огородки, шлейки, узды, сѣдлы, шоры и т. д., часы, цѣпочки мужскія и дамскія, золотыя и серебряныя, пальто и шинели на хорьковыхъ мѣхахъ очень хорошія съ камчатскими бобровыми воротниками, орѣховыя сани, бѣговыя, двое лѣтучекъ и простые рабочіе и много другихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Сдаю въ наймы пять лавокъ, въ центрѣ города, на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Магистратская ул., д. № 76, вверху.

ЗАВОДЪ и ПРОДАЖА

сѣлевой СОДЫ, п. 1 р. 50 к. Офицерская ул. № 6.

Пеклеванная мука

Россійская крупа, гречневая, просевая, получена въ лавкѣ т. д. И. Н. Федулова съ с-ин.

Вниманію любителей гитары,

желающихъ научиться играть по нотамъ и безъ знанія нотъ, за недостаткомъ времени на ихъ изученіе.

Съ февраля 1903 г., очень недорого, намѣренъ давать уроки на гитарѣ по методу Сихры и по своему методу.

Условія сообщаю за почтовую марку на отвѣтъ.

Адресъ для писемъ: здѣсь, Госуд. Банкъ Андрію Георгіевичу Судакову.

Примѣч. Знакомымъ, почему либо затрудняющимся брать уроки лично, но желающимъ научиться играть по моему методу, могу присылать по почтѣ пьесы и упражненія съ подробнымъ руководствомъ, плата съ листа (бумага, переписка), успѣхъ гарантируется старанію самихъ учащихся.

А. Г. Судаковъ.

№4711

Captol

„КАПТОЛЬ"

ЛУЧШАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

ДЛЯ ОЧИЩЕНІЯ, ОСВѢЖЕНІЯ, УКРѢПЛЕНІЯ ГОЛОВНОЙ КОЖИ, ОЖИВЛЕНІЯ НЕРВОВЪ.

ОСОБЕННО ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ и СОПРЯЖЕННОЙ СЪ НЕЮ ЧЕСТЫМЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ.

Приготовлена по указ. Д-ра Гайгоффъ Зальфельда.

„КАПТОЛЬ" не составляетъ лекарственнаго средства.

Единственный фабрикантъ

ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ, Кельнъ-Рейнъ.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.

Новая вполнѣ усовершенствованная керосиновая горѣлка „СВѢТЪ"

годная ко всякой лампѣ.

Горѣлка эта лучше всѣхъ существующихъ системъ при незначительномъ расходѣ керосина даетъ сильный бѣлый пріятный для глазъ свѣтъ около 75 свѣчей. Полное отсутствіе запаха и копоти и вполнѣ безопасна. Цѣна готовой къ зажиганію горѣлки 3 руб. 50 к. Центральный складъ для всей Россіи у

Якова ГОЦА

въ Ростовѣ н-Д., Б.-Саговая, № 98.

Требуются дѣятельные представители.

При заказѣ 25% можно марками.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУКЪ

ЗНАМЕНИТЫЕ ОРЕНБУРГСКІЕ

ПУХОВЫЕ ПЛАТКИ

Наилучшій и полезный подарокъ

Высылаю почтою наложен. платежемъ. Оренбургскіе пуховые, теплые, плотные платки, ручной работы, отличнаго качества, большой величины по 5 р. и до 15 р.

Роскошныя тонкія ажурныя шали громадной величины по 5 р. до 15 р.

Дѣтскіе отъ 2 до 5 р.

Теплые пуховые шарфы по 4 р. до 8 р.

За добросовѣстное выполненіе имѣю массу благодарностей и повторительныхъ заказовъ.

Если-бы г.г. покупателя остались почему-либо недовольны покупкой—принимаю обратно и немедленно высылаю деньги.

Адресовать заказы: Оренбургъ, Анатолію Войнбаумъ, торговля Оренбургскими пуховыми платками.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

РЕМИНГТОНЪ-ШОЛЕСЪ

совершенно новая,

по случаю продается за 250 рублей. Видѣть можно въ магазинѣ П. И. Макушина.

Товарищество Брокаръ и К°.

НОВОСТЬ!

„МИНДАЛЬНЫЙ КРЕМЪ"

ДЛЯ ЛИЦА И РУКЪ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!!!

Поддѣлываются ОДНОФАМИЛЬЦЕМЪ всѣмъ извѣстныя

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

мыло „Блескъ" для стирки въ холодной, теплой и горячей водѣ (какъ угодно), извѣстный мой „Антипаразитъ" отъ насѣкомыхъ, керосинъ „Дезодоратъ" для уничтоженія всякаго зловонія вездѣ, воска „Молнія" для обуви, пріобрѣвшая извѣстность своимъ высокимъ качествомъ, дѣтское мыло на рыбьемъ жиру, уксусная эссенція мои, извѣстная своимъ качествомъ и крѣпостью (76%) и пр. А потому, предостерегая публику отъ этого подражанія (флаконы, коробки и этикеты почти одинаковы), покорнѣйше прошу при покупкѣ моихъ произведеній обращать вниманіе на букву „Л", т. е. ЛЕОПОЛЬДЪ", такъ какъ всѣ мои произведенія теперь снабжены надписью на этикетахъ и самомъ товарѣ.

Л. или ЛЕОПОЛЬДЪ СТОЛКИНДЪ.

Съ почтеніемъ ЛЕОПОЛЬДЪ СТОЛКИНДЪ.

ЛУЧШІЙ ТОВАРЪ.

Новѣйшія музыкальныя шкатулки

ФОРТУНА

съ перемѣнными нотными металлическими листами.

Звучный, пріятный тонъ. Изящная отдѣлка.

Прочная конструкція. Большой выборъ русскихъ пьесъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.

Настоящія Фортуны только съ надписью „Fortuna"

Ручныя въ 6 и 10 руб.

Заводныя отъ 12 руб. до 700 руб.

Заводныя, № 4280. 80 руб. Ноты по 50 коп.

Заводныя, № 4252. 50 руб. Ноты по 70 коп. № 4242. 75 руб. Ноты по 90 коп.

Прейсъ-Курантъ и списокъ пьесъ безплатно.

По полученіи задатка, 1/4 стоимости, высылаю съ наложеннымъ платежомъ.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Поставщикъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина

АККУРАТНОЕ ИСПОЛНЕНІЕ ЗАКАЗОВЪ.

За половину дѣйствительной стоимости

высылаемъ практическій гарантуръ, состоящій изъ 6 изящныхъ цѣнныхъ вещей: 1) часы серебряные съ 3-мя крышками 84-й пробы, массивный корпусъ съ анкерными механизмомъ высшей конструкціи хода на 15 камнях, заводъ ключемъ всемірно извѣстной фабрики „Бретъ"; 2) цѣпь серебряная 84-ой бортовая панцырной работы; 3) карманъ серебряный 84-ой пробы; 4) весьма изящный брелокъ въ декадентскомъ стилѣ; 5) кожаное портмоне съ 7-ью отдѣленіями изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель для имени, отчества и фамиліи заказчика; 6) карманный ножикъ изъ настоящей англійской стали въ перламутровой оправѣ съ ножницами. Всѣ эти вещи высылаемъ вмѣстѣ 22 руб. только за 12 р. 50 к. и кромѣ того къ каждому гарантуру прилагаемъ безплатную премію: золотое кольцо 56-ой пробы. Такой же гарантуръ съ часами ремонтуаръ (заводъ безъ ключа) 14 р., высылочные черезъ огонь электрическимъ способомъ на 1 руб. дороже. Часы высылаются приложенные до мѣста путь съ ручательствомъ на 8 лѣтъ нал. плат. и безъ задатка. Пересылка за счетъ склада. Интересный прейсъ-курантъ съ преміями высылается безплатно. Адресъ: Товарищество „МЕРКУРІЙ" Варшава, почтовый ящикъ № 59. III.

ЧАСЫ

ЗОЛОТЫЯ, СЕРЕБРЯНЫЯ и БРИЛЛІАНТОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ

ЧАСОВОЙ и ЮВЕЛИРНОЙ ФАБРИКИ

Торговаго Дома

СЕРГѢЯ РОГИНСКАГО С-вья

ВЪ МОСКВѢ.

МАГАЗИНЫ: 1) Никольская улица, домъ Алексѣева.

2) Ильинка, Теплые ряды, прот. Стар. Гос. двора.

ОТДѢЛЕНІЕ ДЛЯ ПОЧИНКИ ЧАСОВЪ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

Хронометры, репетиры, хронографы, дуплексы, часы съ годовымъ заводомъ и курантами и вообще самыхъ сложныхъ системъ.

Дѣлаются механизмы всѣхъ системъ къ имѣющимся заказчиковъ корпусамъ, а также корпуса изъ золота, серебра и металла къ имѣющимся механизмамъ.

ПРОДАЖА:

ЧАСОВЪ, ЗОЛОТА и СЕРЕБРА

По самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Требуйте прейсъ-курантъ безплатно.

КВАРТИРА отдается 7 комнатъ и кухня. Никитинская улица Даниловскій переулокъ № 3.

ПРИНИМАЮ переписку на пишущей пишущей машинѣ Ремингтонъ. Магистратская № 59, вверху.

Дозволено цензурой 24 декабря 1902 года.

Томскъ, паровая типо-литографія П. И. Макушина.